

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
А К А Д Е М И Я

БАХРОМ ТАДЖИХАНОВ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ
БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

ТАШКЕНТ

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
А К А Д Е М И Я

БАХРОМ ТАДЖИХАНОВ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ
БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

*Ответственный редактор
доктор юридических наук А. С. ЯКУБОВ*

Ташкент 2003

*Одобрено Редакционно-издательским советом
Академии МВД Республики Узбекистан*

Таджиханов Бахром. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом / Отв. ред. докт. юрид. наук А. С. Якубов. – Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2003. – 96 с.

ББК 67.99.(2)8
Т-13

В работе содержится уголовно-правовой анализ и юридическая характеристика объективных и субъективных признаков разновидностей состава терроризма. Особое внимание уделено разграничению терроризма от ряда смежных преступлений, таких, как экстремизм, диверсия, захват заложника, похищение человека и др. Рассматриваются основания и условия, составляющие поощрительную норму, допускающую возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, принимавших участие в подготовке терроризма.

Рассчитано на практических работников правоохранительных органов и суда, преподавателей, адъюнктов и аспирантов, магистрантов, слушателей, курсантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также широкий круг читателей.

Р е ц е н з е н т ы : доктор юридических наук,
профессор **М. Х. Рустамбаев;**
доктор юридических наук **М. М. Кадыров**

© Академия МВД Республики Узбекистан, 2003 г.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное право как самостоятельная отрасль права, выделяемая в связи со спецификой предмета и метода регулирования, обладает свойственными только ей механизмом и мерами борьбы с преступными проявлениями, включает ряд основополагающих институтов и учений, в числе которых учение о преступлении занимает главенствующее положение. Институты, составляющие учение о преступлении, регламентируются Общей частью уголовного права, но их реальное воплощение происходит непосредственно на уровне норм, статей Особенной части, предусматривающих ответственность за конкретные виды составов преступлений. Иными словами, нормы Общей части становятся “жизненными” только в сочетании с нормами Особенной части, и наоборот.

Составы преступлений, предусмотренные в нормах Особенной части, включают объективную и субъективную характеристики, а элементы, их составляющие (объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект), образуют нормативное основание уголовной ответственности, задействуют механизм уголовно-правового воздействия в случаях совершения общественно опасного деяния, которое составляет фактическое основание уголовной ответственности, и “...установление в процессе квалификации полного соответствия между совершенным деянием и признаками, предусмотренными в законе, позволяет управомоченным органам государства реализовать свои права и обязанности по привлечению виновного лица к уголовной ответственности”¹.

Таким образом, для обеспечения реализации принципов законности, справедливости, виновной ответственности и неотвратимости ответственности необходим доктринальный юридический анализ составляющих объективную и субъективную характеристики конкретного состава, что позволит выработать обоснованные практические рекомендации правоприменительным органам по правовой оценке (квалификации) содеянного.

¹ Якубов А. С. Современное понимание уголовной ответственности и ее основания // Хукук – Право – Law. 2002. № 1. – С. 51.

Основу анализа в настоящей работе составит преступление, предусмотренное ст. 155 УК Республики Узбекистан.

ОБЪЕКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА ТЕРРОРИЗМА

Объект терроризма. В большинстве уголовно-правовых исследований, в особенности тех, которые предпринимаются в новых независимых государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве, научные схемы решения проблемы объекта терроризма мало чем отличаются, поскольку имеют общие корни развития доктрины уголовного права и основываются на сложившейся традиции анализа общественных отношений, охраняемых уголовным законом на уровне “вертикальной” и “горизонтальной” классификаций объектов, основу которых составляет структура построения Особенной части и конкретной нормы уголовного законодательства².

Общепризнанное в социалистический период развития уголовного права трехчленное подразделение классификации объектов по “вертикали” (общий, рядовой и непосредственный)³ в последнее время, с учетом избранного новейшими уголовными кодексами ряда стран иного подхода к структурному построению, подвергается критике. Выдвигаются предложения о возвращении к нетрадиционной четырехчленной классификации⁴, не получившей общего признания в юридической науке того периода.

Четырехчленная классификация, предложенная в конце 60-х гг. XX в. Е. А. Фроловым, наряду с общим, родовым и непосредствен-

² См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 31–32.

³ См.: Якубов А. С. Предпосылки уголовно-правовой реформы в Республике Узбекистан. – Т., 1994. – С. 6–22.

⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть. – М., 1996. – С. 116–122; Уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 143–148; и др.

ным объектами, содержала и видовой объект, который выделялся внутри родового и соотносился с родовым как часть с целым или, иначе говоря, как вид с родом⁵. Предлагая вернуться к почти забытой в науке классификации, А. В. Наумов пишет: “Исходя из структуры нового УК (имеется в виду УК Российской Федерации. – Б. Т.), родовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых помещены в единый раздел. Собственно видовым объектом (разумеется, в тех случаях, когда раздел Особенной части делится на главы) являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых располагаются в пределах одной главы”⁶. Развивая эту мысль, В. П. Емельянов уточняет: “Теперь то, что считалось ранее родовым объектом, может выступать либо в виде включающего в себя ряд новых объектов – интегрированного (надгруппового, сложного, составного), либо в качестве видового как части родового объекта, и наоборот, то, что ранее считалось видовым объектом, может расцениваться как родовой”⁷.

Несмотря на неоднозначность принятия подобной классификации учеными, она, по-видимому, будет востребована в дальнейшем, ибо, как нам представляется, выделение общего, родового, видового и непосредственного объектов объективно отражает не только объем охватываемых ими общественных отношений, выступающих в качестве объекта уголовно-правовой охраны⁸, но и согласуется с современной структурой УК Республики Узбекистан. С учетом приведенных доводов мы воспринимаем эту классификацию, однако вряд ли правильны отдельные оговорки о возможности совпадения в некоторых случаях родового и видового

⁵ См.: Фролов Е. А. Спорные вопросы учения об объекте преступления // Ученые труды. Вып. 10. – Свердловск, 1968. – С. 203–204.

⁶ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 162.

⁷ Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 89.

⁸ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 31.

го объектов⁹ либо же установление знака равенства по объему видового и непосредственного объектов, с той лишь разницей, что видовой объект тот, на который посягает преступление конкретного вида (убийство, хищение и т. д.), а непосредственный объект – это уже нарушенное общественное отношение конкретным совершенным преступлением¹⁰. По-видимому, такое понимание видового и непосредственного объектов обусловило возникновение в доктрине уголовного права проблемы абстрактности и реальности объекта посягательства¹¹. По этому же поводу в современной литературе резюмируется, что “такие категории, как “общий”, “родовой” и “видовой объекты” в отличие от непосредственного объекта есть обобщающие понятия, входящие структурно в такие же абстрактные категории, как общее, родовое и видовое понятие состава (общий, родовой, видовой состав), и относятся не к категории “преступление” как явлению реальной действительности, а к категории “состав преступления” как научной абстракции. Поэтому точнее было бы говорить не об общем, родовом и видовом объекте, а об общих признаках объекта, сгруппированных, синтезированных на уровне видового, родового и общего понятия состава преступления.

Непосредственный объект существует как бы в двух ипостасях – как явление реальной действительности, в отношении которого направлено конкретное преступное деяние, и как совокупность признаков конкретного состава, сформулированного в статье уголовного закона”¹².

Такой подход имеет право на существование. Вместе с тем, полагаем, здесь необходимо внести отдельные уточнения. Во-первых, представляется недопустимым противопоставлять абстрактное и реальное значения категории объекта, ибо следует

⁹ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 163.

¹⁰ См.: *Коржанский Н. И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С. 72–73.

¹¹ См.: *Уголовное право Украинской ССР на современном этапе.* – Киев, 1985. – С. 56, 65.

¹² *Емельянов В. П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 89.

иметь в виду, что они две взаимосвязанные и взаимообусловленные стороны одного явления: общественно опасного деяния, содержащего признаки состава преступления, также имеющего и абстрактное, и реальное значения. Это обуславливается служебно-правовым предназначением: определением абстрактных категорий на уровне законодательства с тем, чтобы отразить на данном уровне реальность общественной опасности конкретных преступлений, совершаемых в объективной действительности. Правовая абстракция обусловлена правовой реальностью, и наоборот.

Во-вторых, из приведенного выше замечания следует, что необходима последовательность в оценке всех составляющих одну категорию, образующих иерархическую зависимость, а это требует констатации существования “двух ипостасей” не только непосредственного объекта, но и других разновидностей, составляющих “вертикальную” классификацию объекта. Поэтому оценка общего, родового и видового объектов только как абстрактных не правомерна. Эти разновидности объекта также реальны, как и непосредственный объект, за тем лишь исключением, что механизм причинения реального вреда охраняемой совокупности общественных отношений, входящих в общий, родовый и видовой объекты, опосредованный, и в объективной действительности они подвергаются воздействию именно через причинение ущерба общественному отношению от конкретного преступного деяния, ибо так или иначе происходит дезорганизация всей совокупности общественных отношений определенного вида, рода, и их совокупность, составляющая общий объект. Поэтому всю вертикаль можно рассматривать и как абстрактную категорию, и как категорию реальную.

Предварительный анализ некоторых теоретических аспектов объекта необходим для того, чтобы были понятны доктринальные исходные, которыми мы руководствуемся при исследовании проблем объекта терроризма.

На уровне научной абстракции выделяют общий объект, в котором объединяют все общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона при его принятии. Это одна из основных задач УК: на уровне предусмотренности в законодатель-

стве конкретных разновидностей преступного поведения предупредить посягательства на наиболее значимые для функционирования различных сфер жизнедеятельности личности, общества и государства общественные отношения и тем самым выполнить свою охранительную функцию.

Проблема общего объекта на уровне анализа и исследования конкретной разновидности преступления, как правило, не поднимается, априорно основываясь на общетеоретических постулатах, разработанных наукой уголовного права на уровне научной абстракции. Значение общего объекта в литературе определяют тем, что с его помощью выявляется социальное содержание уголовного права, устанавливается характер общественной опасности преступного посягательства, а также проводится грань между преступлениями и другими правонарушениями¹³. Таким образом, и применительно к проблеме объекта терроризма общий объект надлежит определять в его общетеоретическом значении. Однако это ни в коей мере не означает, что общий объект является чисто абстрактной категорией. Общий объект – явление реальной действительности, образуемое конкретными функционирующими общественными отношениями, значимость которых и обуславливает их уголовно-правовую охрану.

При определении родового, видового и непосредственного объектов терроризма следует руководствоваться, исходя из воспринятой нами четырехчленной классификации, разделом, который включает главу, содержащую статью об ответственности за терроризм. В литературе правильно отмечается, что “зачастую определение признаков родового (видового) объекта носит в определенной мере субъективный и противоречивый характер, а потому в уголовном законодательстве одни и те же составы в разные периоды развития государства находятся в различных главах Уголовного кодекса либо неодинаково расположены по главам УК в различных государствах или вызывают серьезные разногласия в науке относительно правильности их размещения в той или

¹³ См.: Якубов А. С. Учение о преступлении по законодательству Республики Узбекистан. – Т., 1995. – С. 55.

иной главе УК»¹⁴. Это положение в полной мере относится и к определению основного непосредственного объекта, ибо он выступает в качестве составляющей видовой и родовой групп общественных отношений.

Вопрос о том, какие общественные отношения, та или иная их совокупность по объему выступают в качестве объекта терроризма, решается по-разному не только в законодательстве различных государств, но и в современной отечественной литературе и специальных исследованиях.

В УК Российской Федерации терроризм (ст. 205) отнесен к преступлениям против общественной безопасности (глава 24), включенных в Раздел IX – “Преступления против общественной безопасности и общественного порядка”, а террористический акт (ст. 277) отнесен к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, включенных в Раздел X – “Преступления против государственной власти”.

Аналогичный подход избрал законодатель Таджикистана. Так, в УК Таджикистана террористический акт (ст. 310) расположен в идентичных по названию российскому Разделе и главе, с тем лишь уточнением, что к террористическому акту относится посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля только Республики Таджикистан, а терроризм (ст. 179) как преступление против общественной безопасности (глава 21) расположен в Разделе VIII – “Преступления против общественной безопасности и здоровья населения”.

К преступлениям против общественной безопасности относит терроризм и УК Туркменистана (ст. 271).

Несмотря на отмеченные небольшие отличия, в принципе подход законодателей этих государств к проблеме ответственности за терроризм аналогичен, что и позволило определять в качестве объекта терроризма основы общественной безопасности, а террористического акта – общественные отношения, обеспечивающие

¹⁴ Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 89.

жизнь государственного или общественного деятеля¹⁵. Среди российских ученых нет разногласий по определению объекта терроризма. Что же касается террористического акта, то его объект определяется по-разному: “политическая система России, а также жизнь и здоровье потерпевших”¹⁶, “общественные отношения, которые обеспечивают нормальную деятельность государственной власти в Российской Федерации”¹⁷, “основы конституционного строя и безопасности государства”¹⁸, “конституционные основы политической системы”¹⁹. При этом ряд авторов проводят дифференциацию на родовой, видовой и непосредственный объекты, а отдельные ограничиваются лишь указанием на “вообще” объект, не указывая его принадлежность.

УК Республики Беларусь содержит три состава собственно терроризма, два из которых – терроризм (ст. 289) и угроза совершением акта терроризма (ст. 290) – отнесены к преступлениям против общественной безопасности, а международный терроризм (ст. 126) – к преступлениям против мира и безопасности человечества.

Уголовный закон Литвы относит терроризм к преступлениям против государства.

Что же касается Республики Узбекистан, то это единственное государство, в котором в соответствии с УК терроризм отнесен к преступлениям против мира и безопасности. По этому поводу в зарубежной литературе уже высказывается косвенная критика и утверждается, что “когда этот состав находится среди статей о преступлениях против государства или против мира и безопасности человечества, то за основу принимаются не типичные случаи актов терроризма, а, напротив, наиболее тяжкие формы его про-

¹⁵ См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. – М., 1999. – С. 549, 666.

¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2000. – С. 713.

¹⁷ *Смирнова Н. Н.* Уголовное право. – СПб., 1998. – С. 560.

¹⁸ Новое Уголовное право России. Особенная часть. – М., 1996. – С. 299–300; *Иванов В. Д.* Уголовное право. Особенная часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 350.

¹⁹ Уголовное право. – М., 2001. – С. 546.

явления, в результате чего искажается характер и искусственно завышается степень общественной опасности тех актов терроризма, которые в действительности не были направлены ни против основ государственности, ни против международного правопорядка”²⁰. Оставим пока без комментариев эту цитату и обратимся к точкам зрения, высказываемым в современной отечественной литературе. При этом подчеркнем, что приводимые ниже точки зрения высказываются при том неоспоримом факте, что законодатель отнес терроризм к числу преступлений против мира и безопасности, а также исходят из трехчленной классификации объекта по “вертикали”.

Так, Б. А. Миренский определяет в качестве родового объекта преступлений против мира и безопасности человечества “общественные отношения, обеспечивающие мирное сосуществование всех стран, наций и народов, безопасность человечества, сохранение и развитие мирового сообщества”, а в качестве непосредственных объектов для этой группы преступлений – внешнюю безопасность Республики Узбекистан, ее внешнеполитическую деятельность, суверенитет, независимое развитие, национальное, расовое, религиозное равноправие граждан и другие общественные отношения²¹. Эти общие положения Б. А. Миренским далее конкретизируются и определяется, что “непосредственным объектом терроризма выступают общественные отношения, обеспечивающие международную безопасность, а факультативным объектом – жизнь, здоровье граждан, их собственность, порядок управления”²². Какой-либо содержательной характеристики составляющих как родового, так и собственно непосредственного объектов терроризма автор не раскрывает, хотя нетрудно заметить, что “международная безопасность” в общем перечислении непосредственных объектов отсутствует. При таком подходе и определении объекта терроризма “автоматически” исключается возмож-

²⁰ Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 91.

²¹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 180.

²² Там же. – С. 191.

ность привлечения к ответственности за акты терроризма, не имеющие международной составляющей либо которую не представлялось возможным доказать. Вряд ли это оправдано.

В одном из первых учебников по Особенной части уголовного права Узбекистана М. М. Кадыров к объектам преступлений против мира и безопасности человечества относит “миролюбивую внешнюю политику нашей страны, ее государственный и общественный строй”. В качестве непосредственных объектов этих преступлений им называются мир и безопасность человечества, конституционный государственный и общественный строй, экономическая основа и внешняя безопасность Республики Узбекистан. При этом объект терроризма формулируется как мир и безопасность человечества, миролюбивая политика Республики Узбекистан²³. Автор, также как и предыдущий, ограничивается лишь обозначением общественных отношений, которые, по его мнению, выступают той или иной разновидностью объекта терроризма, не характеризует их с содержательной стороны.

Иное определение объекта терроризма предлагает Б. И. Исмаилов, утверждая, что таковым выступает “общественная безопасность, нормальное функционирование органов власти и управления, а также жизнь и здоровье граждан”²⁴. Аналогичную точку зрения высказывает М. Х. Рустамбаев, определяя, что “объектом терроризма является общественная безопасность как условие обеспечения безопасных условий существования общества. При терроризме вред может быть причинен жизни или здоровью людей, нормальному функционированию органов власти и управления, общественному порядку, чужой собственности и др.”²⁵.

В специальном научном исследовании, проведенном М. А. Ражабовой по проблемам уголовно-правовой борьбы с религиозным

²³ См.: *Кадыров М. М.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 126–127, 133–134.

²⁴ *Исмаилов Б. И.* Проблемы международно-правового сотрудничества Республики Узбекистан в борьбе с терроризмом и организованной преступностью // Экстремизм, терроризм, гурухий ва уюшган жиноятчиликка қарши кураш муаммолари. – Т., 1999. – С. 31.

²⁵ *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 166.

экстремизмом и терроризмом, определяется, что если в соответствии с УК Республики Узбекистан родовым объектом терроризма следует признать мир и безопасность человечества, то в качестве непосредственных объектов выступают нормальная деятельность государства, в том числе представительств, находящихся под международной защитой и международных организаций, а также ущерб физическим лицам или населению, жизнь и здоровье должностных лиц, собственность, общественный порядок и безопасность²⁶.

Для полноты понимания существующих среди ученых Узбекистана подходов к определению объектов терроризма уместно указать и другие точки зрения, которые высказываются в основном представителями неправовых отраслей знаний, но которые, как нам представляется, вносят в уже представленную профессиональную палитру мнений лишь особые оттенки, подчеркивающие сложность проблемы и отсутствие единого понимания достаточно мудрого решения нашего законодателя относительно отнесения терроризма к преступлениям против мира и безопасности. Приведем эти точки зрения тезисно.

Так, Ю. Х. Рысбеков пишет: “В юридическом понимании объекты посягательств террористов обозначены в названии соответствующей главы Особенной части и в диспозиции ст. 155 УК Республики Узбекистан: мир и безопасность человечества, международные отношения, конституционная деятельность органов власти и управления государства, международных организаций, физических и юридических лиц, их основные права и свободы”²⁷. Как преступление против общественной безопасности характеризует терроризм К. В. Джавакова²⁸. Преступлением против челове-

²⁶ См.: *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашининг жинойи-ҳуқуқий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 32-б.

²⁷ *Рысбеков Ю. Х.* К вопросу о новых технологиях терроризма: экологическая сфера // *Экстремизм, терроризм, гурухий ва уюшган жиноятчиликка қарши кураш муаммолари.* – Т., 1999. – С. 61.

²⁸ См.: *Джавакова К. В.* К вопросу о терроризме // *Экстремизм, терроризм, гурухий ва уюшган жиноятчиликка қарши кураш муаммолари.* – Т., 1999. – С. 49.

чества определяют терроризм Б. Р. Каримов и В. Г. Щепоткин²⁹.

Анализировать те или иные нюансы, присутствующие в каждом из приведенных выше определений объектов терроризма, нецелесообразно. Представляется необходимым типизировать их достоинства и недостатки и на этой основе выйти на правильное решение вопроса об определении видов объекта терроризма.

Во-первых, представленные подходы своей основой имеют трехчленную классификацию объектов, что не соответствует структурному построению действующего УК Республики Узбекистан.

Во-вторых, проявляется игнорирование аксиоматичного для классификации объектов по “вертикали” положения, что в ее основе лежит отношение философских категорий общего – особенного – отдельного, которые отражают объективно существующие связи между реальными отношениями³⁰. Это методологическое положение обуславливает неприемлемость подходов, определяющих по-разному содержание родового и непосредственного объектов, т. е. допускающих сочетание неоднородных общественных отношений.

В-третьих, при всей привлекательности при определении объекта терроризма подчеркивания его особой опасности посредством акцента на таких словах, как “насилие”, “ущерб”, “деятельность”, “человечество”, “миролюбивая политика”, все-таки не следует забывать, что объект – это всегда общественное отношение, обладающее собственной структурой и содержанием, что и должно быть адекватно отражено при определении родового, видового и непосредственного объектов терроризма.

Наконец, следует поддержать тех авторов, которые за основу решения вопроса об определении объекта терроризма берут месторасположение уголовно-правовой нормы, учитывая волю законодателя, что делает методологически ошибочными подходы,

²⁹ См.: Каримов Б. Р., Щепоткин В. Г. Экстремизм и терроризм: научное осмысление и пути противодействия // Экстремизм, терроризм, гурухий ва уюшган жиноятчиликка қарши кураш муаммолари. – Т., 1999. – С. 25.

³⁰ См.: Коржанский А. Н. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – М., 1980. – С. 68.

игнорирующие это обстоятельство. Поэтому вряд ли правильно положение о том, что объектом терроризма выступает “общественная безопасность”, “общественный порядок”, “конституционная деятельность органов власти и управления”, т. е. общественные отношения, составляющие объекты преступлений, предусмотренных в иных разделах и главах УК.

По-видимому, этих общих замечаний вполне достаточно для констатации неприемлемости ни одного из высказываемых в литературе мнений относительно разновидностей объекта терроризма.

Законодатель Узбекистана оптимально, с учетом прогностической функции отнес терроризм к числу преступлений против мира и безопасности, несмотря на то, что в специальных исследованиях и международно-правовых документах его к международным преступлениям не относят, утверждая, например, что определение “терроризма как преступления, нарушающего нормальные связи между государствами, или как преступления, угрожающего жизни невинных людей, или приводящего к их гибели, или ставящего под угрозу основные свободы, далеко не равнозначно определению международных преступлений, угрожающих международному миру и безопасности”³¹. Справедливости ради следует отметить, что данный вывод был сделан одним из ведущих специалистов в области международного уголовного права Ю. А. Решетовым двадцать лет назад, и, естественно, он не мог учесть в полной мере тенденции развития этого явления и его глобализацию. Процессы, происходящие в мировом сообществе в последнее десятилетие, обострившие экономические, экологические, социальные проблемы, обусловили их глобализацию, что в свою очередь повлияло на необходимость расширения понятия “международная безопасность”, традиционно ограничивающегося лишь военно-политическим аспектом, что было характерно в послевоенный период и в период “холодной войны” – противостояния двух антагонистических мировых систем. Имеющаяся сегодня тенденция к

³¹ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 37.

расширению содержания международной безопасности, в том числе за счет глобализации террористических проявлений, и обусловило то, что Узбекистан один из первых отнес терроризм к преступлениям против мира и безопасности, что нами полностью поддерживается. Упреки же относительно законодательного решения, якобы искажающего характер и искусственно завышающего степень общественной опасности тех актов терроризма, которые в действительности не были направлены ни против основ государства, ни против международного правопорядка³², несостоятельны, что мы и попытаемся далее доказать.

Итак, исходной основой нашей позиции является законодательное решение расположенности статьи об ответственности за терроризм в УК Республики Узбекистан и его современная структура, обуславливающая необходимость использования четырехчленной классификации с обязательным выделением наряду с общим, родовым, непосредственным и видового объекта.

Раздел второй УК, который составляют две главы, определен законодателем как “Преступления против мира и безопасности”. Обратимся к этимологии слов “мир” и “безопасность”.

Слово “мир” в языке достаточно многозначно, однако в том значении, в котором его использует уголовный закон, оно означает “согласные отношения, спокойствие, отсутствие вражды, войны, ссоры”³³. В этом же контексте понимается один из основополагающих принципов международного права – “мирное сосуществование – отношения между государствами с различным общественным строем, предполагающие невоенное решение спорных вопросов путем переговоров, равноправие и взаимопонимание, взаимодоверие с учетом общих и частных интересов, невмешательство во внутренние дела, строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, развитие взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества”³⁴.

³² См.: Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 91.

³³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 304.

³⁴ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 245.

Слово “безопасность” в общеупотребительном значении означает “положение, при котором не угрожает опасность кому-чему-нибудь”³⁵. В юриспруденции безопасность – это “состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз”³⁶. Интерес представляет общеполитическое понимание безопасности, сформулированное Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым. Президент пишет: “Что означает для Узбекистана его национальная безопасность в широком смысле, каково наше видение этой безопасности?”

Во-первых. Узбекистан всецело поддерживает один из основополагающих принципов неделимости безопасности. Безопасность – это непрерывное состояние, она не имеет границ.

Во-вторых. После окончания “холодной войны” основную угрозу всеобщей безопасности несут этнические, региональные, локальные конфликты и воинствующий сепаратизм внутри государств...

В-третьих. В силу своего геополитического положения Узбекистан расположен в регионе, где не отлажена система коллективной безопасности, что также служит причиной вызова угроз...

В-четвертых. Региональные конфликты всё чаще превращаются в устойчивые источники таких опасных угроз и вызовов, как терроризм и насилие, наркобизнес и незаконная торговля оружием, массовые нарушения прав человека. Эти явления не имеют государственных границ”³⁷.

Подчеркнем, что в приведенной политической оценке безопасности как непрерывного состояния, не имеющего границ, терроризм и насилие выделяются в качестве самостоятельной угрозы такому состоянию.

На основе предложенных пониманий безопасности следует вы-

³⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 38.

³⁶ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 47;

³⁷ Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. – Т., 1998. – С. 34–36.

делить ряд аспектов, составляющих ее сущность: а) отсутствие угроз; б) защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства; в) непрерывное состояние, т. е. стабильность в смысле неухудшения состояния защищенности; г) охрана состояния защищенности от внутренних и внешних угроз. Исходя из этого, безопасность, как нам представляется, предопределяется состоянием правопорядка в государстве.

В обыденном понимании правопорядок – “это закрепленный в нормах права порядок общественных отношений”³⁸. Юридическое понимание правопорядка состоит в том, что он складывается “в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные сферы общественной жизни и различающихся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей (обычаи, нормы морали, правила деятельности общественных организаций и др.). Правопорядок регламентируется правовыми нормами, принятыми в установленном в данном государстве порядке. Как определенное состояние регулируемых правом общественных отношений правопорядок характеризуется реальным уровнем законности, обеспечения и реализации субъективных прав, соблюдения юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями”³⁹.

Таким образом, как следует из содержания рассмотренных терминов, безопасность государства во многом определяется состоянием правопорядка. Состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства предопределяется тем, как все эти субъекты и каждый из них соблюдают свои обязанности, чем обеспечивают нормальное функционирование совокупности общественных отношений. Состояние защищенности, уровень законности, взаимное уважение прав посредством соблюдения своих обязанностей порождают согласие внутри того или иного социального формирования, начиная от семьи и закан-

³⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 498.

³⁹ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – М., 1997. – С. 345–346.

чивая государством и всем мировым сообществом, что в конечном счете и означает мир. Следовательно, правопорядок фиксирует в себе состояние функционирующих общественных отношений, причем как на уровне отдельного государства, так и на уровне мирового сообщества. И, как нам представляется, мир и безопасность являются составляющими его общественными отношениями, дезорганизация которых на разных уровнях исключает состояние правопорядка, приводит к хаосу. Поэтому для преступлений против мира и безопасности более точным на уровне родового объекта будет его определение в качестве правопорядка. При этом мировой правопорядок, т. е. порядок функционирования отношений в мировом сообществе, предопределяется уровнем защищенности и законности их функционирования в конкретном обществе и государстве, а также на других нисходящих уровнях. Отсюда, **родовым объектом** преступлений, предусмотренных в Разделе втором Особенной части УК Республики Узбекистан, является **мировой правопорядок**, т. е. совокупность внутригосударственных и международных отношений, обеспечивающих состояние защищенности мира и безопасности как отдельных государств, так и мирового сообщества.

С учетом сформулированного нами родового объекта представляется, что преступления, сосредоточенные в Разделе втором Особенной части, объединенные в главах по видовым признакам, фактически посягают на мировой правопорядок. Следовательно, было бы более правильным наименование Раздела сформулировать как “Преступления против мирового правопорядка”, объединяющего две группы преступлений: преступления против мира и безопасности человечества и преступления против Республики Узбекистан.

Видовым объектом для терроризма выступает охраняемая от преступлений определенного вида совокупность общественных отношений, функционирование которых определяет состояние правопорядка, обеспечивающего мир и мирное сосуществование, безопасность людей и человечества, в том числе во время вооруженных конфликтов и войн.

Относительно непосредственного объекта, то в силу того, что

терроризм является сложным преступлением, его следует признать многообъектным, что обуславливает необходимость на этом уровне руководствоваться классификацией непосредственных объектов по “горизонтали” и определить, какие из общественных отношений выступают в качестве основного непосредственного объекта, а какие – в качестве дополнительного и факультативного.

В качестве основного непосредственного объекта традиционно рассматривают то общественное отношение, которое законодатель при “конструировании конкретной уголовно-правовой нормы в первую очередь стремился поставить под охрану уголовного закона”⁴⁰. Именно основной непосредственный объект является составной частью видового объекта и опосредованно родового объекта. Здесь имеется в виду, что основной непосредственный объект – конкретное общественное отношение из числа аналогичных общественных отношений, составляющих видовую определенность, в результате посягательства на которое возникает уголовно-правовое отношение. Следовательно, в качестве **основного непосредственного объекта терроризма** *выступают конкретные общественные отношения, обеспечивающие состояние мира или состояние безопасности*. Таким образом, основной непосредственный объект терроризма имеет альтернативный характер, и в зависимости от разновидностей объективного проявления террористических актов ущерб может быть причинен либо общественным отношениям, обеспечивающим состояние мира, либо общественным отношениям, обеспечивающим состояние безопасности, либо одновременно и тем и другим. Но этот факт, обусловленный законодательным конструированием состава терроризма, не изменяет сущности основного непосредственного объекта, а лишь подчеркивает его специфичность.

Изложенные выше соображения приводят и к другому важному выводу: в составе терроризма отсутствует дополнительный непосредственный объект, т. е. “...общественные отношения, которым

⁴⁰ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 31. См. также: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 161–162.

неизбежно причиняется вред при совершении посягательства на основной непосредственный объект”⁴¹, а личность, собственность, порядок управления, общественная безопасность, общественный порядок и другие общественные отношения, которым может быть причинен ущерб, а может быть и не причинен при конкретном посягательстве на основной непосредственный объект, выступают лишь в качестве факультативных объектов, подлежащих учету в каждом конкретном случае.

О правильности избранного нами подхода к пониманию объектов терроризма разного уровня свидетельствует появление в литературе точек зрения, пытающихся обосновать, вопреки законодательному решению, позицию, ему противоречащую. Так, В. П. Емельянов пишет: “Как видно, тем объектом, которому, по мнению законодателя, причиняется наибольший вред актами терроризма, чаще всего признается общественная безопасность, однако, исходя из обстоятельств самого деяния, нарушение общественной безопасности выступает для террористов хотя и первоочередным, но фактически не основным, а вспомогательным действием, способом посягательства на другой объект в сложном составном преступлении. В связи с этим В. Ф. Антипенко обращает внимание на следующее: “Общественная безопасность не может быть основным объектом терроризма... Запугивание при терроризме... выступает не самоцелью, а средством достижения цели оказания влияния на основной объект, чем реализуется понуждение соответствующих лиц к выгодным для террористов решениям. Основным же объектом терроризма являются национальные и наднациональные институты (в их различных вариантах), посягая на которые путем воздействия на непосредственный объект виновные лица достигают или стремятся достигнуть главной цели нарушения их неприкосновенности”.

Получается, что вопреки канонам уголовно-правовой науки при отнесении терроризма к преступлениям против общественной безопасности законодатель наделяет фактически дополнительный

⁴¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 31.

объект, посягательство на который служит способом посягательства на какой-то основной, признаками основного объекта в отдельном составе.

Однако, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, но при всей, так сказать, научной неправоте законодатель в данном случае совершенно прав. Несмотря на то, что здесь ведущее значение придано тому деянию, которое выступает лишь способом посягательства на основной объект, при той ситуации, когда в качестве основного объекта выступают в бесконечном множестве различные “национальные и наднациональные институты” и т. д., способ посягательства на них посредством нарушения общественной безопасности есть постоянное общее свойство данных преступлений, которое возможно “вынести за скобки” и сформулировать самостоятельный состав преступления”. И в заключении: “в то же время было бы желательно включить состав терроризма не в главу УК, содержащую составы преступлений против общественной безопасности, а в какую-то другую...”⁴².

Приведение столь пространной цитаты обосновано тем, что она достаточно наглядно свидетельствует о поисках учеными тех государств, где состав терроризма отнесен к преступлениям против общественной безопасности, доводов, позволяющих как-то “исправить” ошибку законодателя и обосновать в качестве основного непосредственного объекта не общественную безопасность, а какие-то другие общественные отношения. Из цитаты явствует, что такие попытки малосостоятельны, подвергают необоснованной ревизии общепризнанные в доктрине уголовного права положения, что предпринимаются они с одной лишь целью – исправить ошибку законодателя.

Анализ современной уголовно-правовой литературы показывает: при исследовании общественных отношений вниманием обходят еще один аспект, являющийся составной частью проблемы объекта, а именно – вопрос о предмете преступления и потерпевшем. Вместе с тем, как явствует из законодательного определения,

⁴² Емельянов В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 90, 91.

предмет и потерпевшие как составляющие объекта в терроризме присутствуют всегда, причем в значительной части известных случаев они присутствуют одновременно, а иногда альтернативно. «Предмет посягательства выступает в качестве признака объекта преступления. Предмет преступления – составная часть объекта посягательства, воздействуя на который субъект нарушает или пытается нарушить общественные отношения. Предметом преступления могут выступать и субъекты общественных отношений, и предметы материального мира, по поводу которых возникают и функционируют общественные отношения»⁴³. С учетом этого общепризнанного положения следует констатировать, что в качестве предмета терроризма выступает собственность, независимо от ее формы, в том числе и собственность правительственных зарубежных и неправительственных международных и зарубежных организаций, их должностных и других лиц, пользующихся международной защитой. Определить с исчерпывающей полнотой все материальные объекты, которые могут стать предметом терроризма, не представляется возможным, да это и нецелесообразно, так как в самом законе содержится обобщающее определение предмета – собственность. Единственное уточнение: предмет терроризма нельзя рассматривать ограничительно, ибо наряду с движимым и недвижимым имуществом предметом терроризма могут выступать земля, ее недра, воды, растительный, животный мир и другие природные ресурсы.

Вопрос о потерпевшем в плане его уголовно-правового понимания имеет важное значение, поскольку его статус предопределяет правильную уголовно-правовую оценку содеянного.

В специальных исследованиях определяется, что действующий УК Республики Узбекистан недостаточно урегулировал вопрос об ответственности за посягательства на сотрудников дипломатических представительств, консульских служб, международных организаций и других категорий лиц, пользующихся международ-

⁴³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 32.

См. также: Кабулов Р. Понятие хищения чужого имущества и его отграничение от смежных преступлений. – Т., 1997. – С. 17–29.

ной защитой, в связи с чем предлагается предусмотреть их конкретно в ст. 155 и рассматривать в качестве одной из форм терроризма⁴⁴. Действительно, такое указание содержалось в первоначальной редакции диспозиции ч. 1 ст. 155 УК, которая в 2001 г. была изменена, причем изменена в лучшую сторону, ибо законодателю удалось сформулировать обобщенную характеристику терроризма, по существу охватывающую все его разновидности и формы. Отказавшись от перечисления некоторых проявлений терроризма, которые предусматривались в первоначальной редакции, уйдя от частных, далеко неполного перечня способов, предметов, потерпевших и других юридически значимых признаков, законодатель создал действительно оптимальную правовую основу борьбы с терроризмом. Поэтому полагаем, что подвергать ревизии действующую редакцию ст. 155 УК нет никаких объективных оснований. Более продуктивным видится подход “вскрытия” того огромного потенциала, который имеется в этом обобщенном определении.

В качестве потерпевших от терроризма законодатель установил реально возможный круг лиц, как физических, так и юридических, не забыв при этом и лиц, пользующихся международной защитой. Вместе с тем, в зависимости от категории этих лиц, а также от конкретного террористического проявления, возможны различные оценки посягательства на них.

В соответствии со ст. 1 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.)⁴⁵ определяются две категории лиц, пользующихся международной защитой: а) глава государства, в том числе каждый член коллегиального органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции соответствующего государства, глава правительства

⁴⁴ См.: *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга карши курашнинг жинойи-хукукий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 33-б.

⁴⁵ См.: *Саидова Л.* Источники современного дипломатического права: международные договоры и национальное законодательство Республики Узбекистан. – Т., 2001. – С. 177–185.

или министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие члены его семьи; б) любой представитель или должностное лицо государства, или любое должностное лицо, или иной агент межправительственной международной организации, который во время, когда против него, его официальных помещений, его жилого помещения или его транспортных средств было совершено преступление, и в месте совершения такого преступления имеет право в соответствии с международным правом на специальную защиту от любого нападения на его личность, свободу и достоинство, а также проживающие с ним члены его семьи. Приведенный перечень и его сопоставление с законодательным определением потерпевших от терроризма не дают основания для констатации того, что эта категория лиц игнорируется, равно как и вывод об отсутствии надлежащей охраны собственности (официальное помещение, жилое помещение, транспортное средство), которая также охватывается предметом, предусмотренным в ст. 155 УК.

Другое дело, что если лицо, пользующееся международной защитой, либо другие категории лиц, определяемые в иных международных документах⁴⁶, относятся к категории государственных или общественных деятелей, представителей власти и на них осуществляется покушение на жизнь, причинение телесного повреждения, то содеянное требует квалификации по ч. 2 ст. 155 УК, а если наступает их смерть, то по ч. 3 ст. 155 УК.

В части 2 ст. 155 УК потерпевшие от террористического акта определены исчерпывающе. В качестве потерпевших определены три категории лиц: 1) государственный деятель; 2) общественный деятель; 3) представитель власти. Вопрос о понимании названных категорий лиц в специальной литературе Узбекистана не поднимается, хотя эти признаки и имеют квалифицирующее значение. К

⁴⁶ См.: Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.; Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г.; и др. (См.: Саидова Л. Источники современного дипломатического права: международные договоры и национальное законодательство Республики Узбекистан. – Т., 2001. – С. 185–207.).

сожалению, данный вопрос не разрешается и на уровне общего законодательства, несмотря на то, что в трудах ученых-правоведов давно выдвигается вполне обоснованная идея о выделении в качестве подотрасли административного права государственной службы⁴⁷. Следует отметить, что в этих трудах мы не находим понятия “государственный деятель”, хотя, несомненно, круг таких лиц подразумевается, поскольку предлагается на определенных лиц не распространять законодательство о государственных служащих в силу их правового статуса, четко определенного в Конституции, конституционных и других законах Республики Узбекистан. В этой связи представляет интерес опыт законодательного урегулирования данной проблемы в Российской Федерации.

В ст. 1 Федерального закона РФ “Об основах государственной службы РФ” от 31 июля 1995 г. содержится полный перечень лиц, занимающих должности категории “А”, которые законодатель не относит к государственной службе и по существу увязывает должности этой категории с тем, что они замещаются государственными деятелями. Это подтверждается и в специальной литературе: представители уголовно-правовой науки определяют понятие “государственный деятель” через должности категории “А”⁴⁸.

Несомненно, этот опыт заслуживает внимания. Однако при определении понятия “государственный деятель”, равно как и других категорий, необходимо в первую очередь учитывать тот факт, что в качестве потерпевших от террористического акта, предусмотренного ч. 2 ст. 155 УК, могут выступать не только государственные и общественные деятели, представители власти Узбекистана, но и других зарубежных государств, за исключением Президента Республики Узбекистан, ответственность за посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство которого преду-

⁴⁷ См.: *Таджиханов У.* Государственная служба: истоки, проблемы, решения. – Т., 1996.; *Алимов Х. Р., Хайдаров Р.* Государственная служба в Республике Узбекистан. Части I и II. – Т., 1996.

⁴⁸ См., например: *Уголовное право.* – М., 2001. – С. 550; *Иванов В. Д.* Уголовное право. Особенная часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 357.

смотрена в специальной норме – ст. 158 УК. Это обуславливает необходимость выработки универсального подхода к пониманию названных категорий лиц, который позволит во всевозможных случаях констатировать, что террористический акт был направлен именно на государственного или общественного деятеля, представителя власти, независимого от того, представителем какого государства выступает потерпевший.

В российской литературе, наряду с определениями государственного деятеля отсылочным методом к законодательству о государственной службе, высказываются и другие точки зрения, отражающие более обобщенное понимание термина “государственный деятель”. Так, рекомендуют под государственным деятелем “понимать руководителя или заместителя руководителя, а также иного представителя высшего органа государственной власти, непосредственно определяющего и (или) направляющего государственную политику в различных областях политической, экономической, культурной сферах деятельности РФ или ее субъекта”⁴⁹.

Несколько иное определение предлагается С. В. Дьяковым: “К государственным деятелям относятся руководители и ответственные работники высших и местных органов власти и управления, депутаты всех уровней, руководители министерств и ведомств, главы администраций республик и областей, ответственные работники администрации Президента РФ, аппарата правительственных структур и т. п., которые последовательно и активно осуществляют свои государственные и политические функции”⁵⁰. В другом издании указывается, что государственным деятелем может быть признано лицо, занимающее достаточно высокий пост в государстве, к числу которых относят представителей высшего руководства государства, членов правительства, заместителей министров либо руководителей иных ведомств, членов парламента и

⁴⁹ Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. – М., 1999. – С. 666.

⁵⁰ Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. – М., 1999. – С. 41.

других подобного масштаба руководящих работников⁵¹. Представляется, что при установлении содержания понятия “государственный деятель” за основу можно взять последнее определение.

Полагаем, что под **государственными деятелями** следует понимать *руководителей и ответственных работников высших государственных органов власти и управления*. Вместе с тем это общее определение обуславливает необходимость установления в каждом конкретном случае возможности отнесения того или иного лица к категории государственного деятеля, поскольку исчерпывающего их перечня сформулировать не представляется возможным. Но наиболее важным критерием относимости к данной категории лиц является их статус по должности в высших органах власти и управления (исполнительной, законодательной, судебной).

При определении понятия “общественный деятель” в литературе встречается два подхода. В соответствии с первым к общественным деятелям относят только лиц из числа руководства общественных организаций и политических партий, ограничивая их круг собственно руководителями, членами руководства и лицами, выполняющими управленческие функции⁵². Второй подход более широкий и позволяет относить к числу общественных деятелей как лиц, активно участвующих в работе общественных объединений, независимо от их должностного положения⁵³, так и, наряду с руководителями, “видных членов различных общественных организаций и партий”⁵⁴.

В соответствии со ст. 56 Конституции Республики Узбекистан

⁵¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1997. – С. 673–674.

⁵² См.: *Иванов В. Д.* Уголовное право. Особенная часть. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 357; Уголовное право. – М., 2001. – С. 550; Уголовное право: Часть общая. Часть Особенная. – М., 1999. – С. 666; и др.

⁵³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1996. – С. 147; *Дьяков С. В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. – М., 1999. – С. 41; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 2000. – С. 713; и др.

⁵⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М., 1997. – С. 674.

общественными объединениями в Республике Узбекистан признаются профессиональные союзы, политические партии, общества ученых, женские организации, организации ветеранов и молодежи, творческие союзы, массовые движения и иные объединения граждан, зарегистрированные в установленном законом порядке. Следовательно, общественная деятельность может осуществляться в рамках общественных объединений, а **общественным деятелем** может считаться *лицо, являющееся представителем общественности, наделенное в установленном порядке властными полномочиями по государственному управлению*. Представляется, что к общественным деятелям следует отнести также председателя (аксакала) и секретаря схода (собрания) в органах самоуправления граждан. Что же касается определения общественных деятелей зарубежных стран, то здесь следует руководствоваться положениями Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г. и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г.⁵⁵, за исключением членов семей этих лиц.

Таким образом, действующий УК не препятствует признанию потерпевшими по ст. 155 УК государственных деятелей зарубежных государств, а также общественных деятелей международных и иностранных общественных организаций и объединений.

Понятие представителя власти определено в Разделе восьмом Особенной части УК. К ним следует относить лиц, представляющих государственный орган власти, постоянно или временно осуществляющих определенные функции и в пределах своей компетенции пользующихся правом совершения действий или отдачи распоряжений, обязательных для большинства или всех граждан и должностных лиц. Этим понятием и следует руководствоваться при установлении данной категории потерпевших.

Объективная сторона терроризма. Терроризм, в соответ-

⁵⁵ См.: Саидова Л. Источники современного дипломатического права: международные договоры и национальное законодательство Республики Узбекистан. – Т., 2001. – С. 185–207.

ствии с законодательным решением, включает в себя несколько разновидностей состава, которые имеют несомненную специфику, и в первую очередь по признакам объективной стороны. При анализе признаков, составляющих объективную сторону состава терроризма, необходимо всегда иметь в виду, что при выявлении их содержания оно должно рассматриваться во взаимосвязи с мотивацией и целевыми установками, ибо абстрактная их характеристика неминуемо повлечет за собой нарушение принципов уголовного законодательства по обоснованному применению этой уголовно-правовой нормы, привлечению действительно виновных лиц к ответственности.

Объективную сторону состава терроризма образуют несколько деяний, каждое из которых в отдельности либо в сочетании с другими образуют разновидности состава терроризма. Рассмотрим их.

1. Насилие, использование силы, иные деяния, создающие опасность личности или собственности. Обращение к криминологической литературе, основывающейся на анализе динамики, структуры и других показателей преступности, свидетельствует, что проблеме насильственной преступности всегда уделялось и продолжает уделяться пристальное внимание, причем, как подчеркивается, “само понятие “насилие” остается весьма многозначным и дискуссионным (впрочем, это совершенно нормально при изучении любого сложного феномена).

Пожалуй, наиболее широким является понимание насилия как поведения, наносящего вред другим; как принуждение, ограничение свободы выбора, “узурпация доброй воли”. Более узкое понимание ограничивает насилие причинением физического, психического или материального (имущественного) вреда. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности”⁵⁶.

Анализ источников, освещающих террористическую деятельность, предпринятый Г. В. Самойловым, позволил типизировать

⁵⁶ *Гилинский Я. Н.* Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб., 2002. – С. 172–173.

ее основные элементы, в числе которых им выделяются несколько “методов”, а точнее способов ее осуществления, где по виду насилия эти способы подразделяются на: а) физическое; б) экономическое; в) морально-психологическое; по характеру деятельности на: а) своими руками; б) “чужими” руками; по характеру воздействия на предмет террористической деятельности на: а) уничтожение; б) парализацию деятельности; в) изменение направленности его деятельности. Помимо этого Г. В. Самойловым подразделяются средства на: а) материального воздействия (оружие, взрывчатые вещества, взрывное устройство и т. п.); б) нематериального воздействия (запугивание, угроза и т. п.)⁵⁷. Не подвергая анализу приведенные подходы, отметим, что мы их использовали с тем, чтобы прояснить волю законодателя, определившего составляющие терроризма действия через понятия “насилие”, “использование силы”, “иные деяния, создающие опасность личности или собственности”, “угроза их осуществления”. По существу все эти составляющие различаются по объему и в своей совокупности характеризуют достаточно широкое понимание насилия, отражая в каждом из них ту или иную специфику, которой должен обладать каждый уголовно-правовой признак.

Насилие, использование силы, иные деяния, создающие опасность личности или собственности, в составе терроризма характеризуют действия, которые направлены на понуждение государственного органа, международной организации, их должностных лиц, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности в целях осложнения международных отношений, нарушения суверенитета и территориальной целостности, подрыва безопасности государства, провокации войны, вооруженного конфликта, дестабилизации общественно-политической обстановки, устрашения населения. Только в таком контексте названные выше деяния выступают в качестве конститутивных признаков состава терроризма.

В доктрине уголовного права различают физическое и психи-

⁵⁷ См.: Самойлов Г. В. Террористическая деятельность как система целенаправленных действий // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 73.

ческое насилие. Насилие как альтернативно конститутивный признак объективной стороны состава терроризма имеет достаточно широкое содержание и фактически объединяет в себе всевозможные, предусмотренные в качестве противоправных, разновидности физического насилия. В литературе отмечается, что “понятием физического насилия охватываются насильственные действия, осуществляемые при совершении конкретного преступления, повлекшего причинение вреда телесной неприкосновенности, здоровью другого человека или его смерть или направленного на причинение такого вреда”⁵⁸. Данное понятие насилия достаточно широкое и включает в себя любые насильственные действия, которые могут не повлечь за собой каких-либо видимых последствий, а могут и повлечь за собой последствия в виде телесных повреждений любой степени тяжести или смерти. Этим понятием, следовательно, охватываются как результативные действия, так и действия, направленные на достижение результата, но не приведшие к его наступлению по независящим от лица обстоятельствам.

Представляется, что такое доктринальное понимание насилия в полной мере соответствует законодательному определению насилия в составе терроризма, за исключением случаев, когда в результате примененных насильственных действий наступает смерть человека либо иные тяжкие последствия, которые обуславливают квалификацию содеянного по п. “а” и (или) “б” ч. 3 ст. 155 УК.

Насилие при терроризме может быть осуществлено как в отношении одного, так и нескольких лиц. Его интенсивность может иметь любую степень, независимо от того, что за отдельные насильственные действия в других нормах уголовного закона предусматривается административная преюдиция, как это имеет место в отношении умышленного легкого телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности (ч. 1 ст. 109 УК). Такой вывод нами основывается на том обстоятельстве, что тер-

⁵⁸ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974. – С. 75.

роризм является многообъектным преступлением и по существу степень интенсивности насилия предопределяется тем, насколько террористу удалось посредством применения именно такой разновидности насилия понудить соответствующий орган, физическое или юридическое лицо выполнить его требования. Если степень интенсивности применяемого насилия недостаточна, то, как показывает практика, она увеличивается, и террорист начинает использовать более жестокие насильственные действия. Именно поэтому в криминологии терроризм относят к преступлениям с так называемым инструментальным насилием, т. е. используемым исключительно для достижения четко обозначенных в законе целях⁵⁹.

Итак, насилие при терроризме “может выражаться в нанесении ударов, побоев, ранений и в ином воздействии на нарушение покрова тела человека посредством применения силы, холодного или огнестрельного оружия либо иных предметов, жидкостей (кислот, кипятка), сыпучих веществ и т.д., а также в воздействии на внутренние органы человека без повреждения наружных тканей путем отравления или опаивания одурманивающими средствами”⁶⁰. Полагаем, что как насилие следует определять и неудавшиеся попытки воздействия на тело человека, а не относить их к иным деяниям, создающим опасность личности, ибо, как свидетельствует практика, достаточно часто неудавшееся насилие возобновляется.

Насилие при терроризме может быть направлено против жизни (убийство, покушение на убийство), здоровья (причинение тяжкого телесного повреждения, средней тяжести телесного повреждения, легкой тяжести телесного повреждения, повлекшего и не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, истязание), половой неприкосновенности (изнасилование, насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме, по-

⁵⁹ См.: Криминология. – М., 1999. – С. 439.

⁶⁰ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. – М., 1974. – С. 76.

нуждение женщины к вступлению в половую связь).

Таким образом, полагаем, что как **насилие** при терроризме следует оценивать только такие *действия, которые направлены в отношении определенного лица или группы лиц, повлекшие причинение вреда их телесной и половой неприкосновенности, здоровью или жизни*. Одним из отличительных признаков насилия при терроризме является его относительная персонифицированность, направленная на причинение вреда телесной и половой неприкосновенности, здоровью или жизни достаточно ограниченного круга лиц.

Словосочетание “использование силы” впервые встречается в законодательной практике Узбекистана и не употребляется более в других статьях уголовного закона. Вместе с тем использование силы как действие, органически включенное в терроризм, с криминологической точки зрения не является чем-то абсолютно новым, но статус уголовно-правового признака получило впервые.

Использование силы как действие при терроризме имеет достаточно широкое содержание. Этим признаком фактически охватывается и физическое насилие, и морально-психологическое насилие, т. е. угрозы насилием, в результате которых вызывается состояние страха в обществе и других социальных группах, и экономическое насилие (уничтожение, повреждение собственности). Однако то, что законодатель не ограничился при характеристике деяния только использованием силы, а специально выделил его составляющие, не позволяет истолковывать этот признак достаточно широко и обуславливает необходимость на доктринальном уровне проводить между ними различие, хотя, как показывает практика, провести здесь четкую грань достаточно трудно, ибо они нередко перерастают одно в другое. Вместе с тем это не означает, что очертить в общих чертах действия, образующие “использование силы”, невозможно. При определении данного признака необходимо руководствоваться рядом факторов:

1) действия, характеризующиеся как использование силы, должны быть противоправными, т. е. оцениваться уголовным законом как преступления, независимо от того, что в качестве условия для некоторых из них в конкретных уголовно-правовых нормах преду-

сматривается административная преюдиция;

2) из их числа следует исключить деяния, посягающие на жизнь, здоровье, телесную и половую неприкосновенности личности, которые охватываются понятием насилия как отдельного признака терроризма;

3) в их число не входит морально-психологическое насилие, поскольку законодатель в качестве самостоятельной составляющей терроризма предусматривает угрозу насилием, использованием силы либо совершения иных опасных для личности или собственности деяний;

4) использование силы, равно как и физическое насилие, в отличие от иных деяний, создающих опасность личности или собственности, должно быть адресным, т. е. осуществляться в отношении относительно определенного лица либо группы лиц, а также объектов собственности.

Следовательно, для установления деяния в виде использования силы, условно говоря “в чистом виде”, необходимо исключить акты физического и морально-психологического насилия, а также акты, создающие только опасность личности и собственности. Такой подход позволяет констатировать, что **использование силы проявляется в противоправном причинении вреда личности или собственности принуждением, ограничением свободы воли, уничтожением или повреждением имущества.**

Исходя из предложенного понимания использования силы, к нему могут быть отнесены следующие акты: похищение людей; незаконное лишение свободы; захват заложников; жестокое обращение с удерживаемыми похищенными и незаконно лишенными свободы людьми, заложниками; захват, удержание, уничтожение, повреждение, порча служебных помещений, жилых помещений, транспортных средств представительств иностранных государств или международных организаций и лиц, пользующихся международной защитой; захват, угон, удержание, уничтожение наземных, водных и воздушных транспортных средств; устройство аварий на объектах жизнеобеспечения населения водой, теп-

лом, энергией и т. п.; уничтожение, повреждение, разрушение памятников истории или культуры и др. Несомненно, что названные разновидности использования силы выделены нами в связи с тем, что они достаточно распространены. Но это не исключает появления и новых разновидностей, которые могут характеризоваться как использование силы при обязательном учете приведенных выше факторов и определения.

Закон содержит указания не только на насилие и использование силы, но и на “иные деяния, создающие опасность личности или собственности”. Использование такого приема для определения объективного признака состава терроризма – деяния – объяснимо и обусловлено желанием законодателя не оставить вне рамок правового поля ни один из возможных случаев его проявления в настоящем и будущем, что не позволяет дать исчерпывающее определение всех деяний, а тем более способов их осуществления. Достоинства подобного обобщающего подхода, использованного законодателем Узбекистана, зримо проявляются на уровне сравнения формулировок, содержащихся в уголовных законодательствах ряда государств, образовавшихся на постсоветском пространстве (Россия, Латвия, Беларусь, Туркменистан, Таджикистан и др.), в которых использован перечневой конкретизированный способ формулировки признаков состава терроризма.

К иным деяниям, создающим опасность личности или собственности, могут быть отнесены всевозможные деликты, имеющие в своей основе террористическую мотивацию и цели, выражающиеся в: создании паники и провоцировании беспорядков в местах скопления населения и при проведении массовых мероприятий; создании опасности жизни, здоровью населения, имуществу физических или юридических лиц путем совершения аварий, катастроф техногенного характера; создании обстановки опасности путем взрыва, поджога, применения взрывных устройств, радиоактивных, биологических, взрывчатых, химических и других

отравляющих веществ⁶¹; “воздействии на окружающую среду путем заражения атмосферного воздуха, почвы, земли или воды экологически опасными веществами, могущими представлять опасность для здоровья и жизни людей и животных или растительного мира”⁶²; и др.

Особое внимание следует уделить формулировке “взрывы и поджоги”, как наиболее часто употребляемой при характеристике терроризма в законодательствах ряда государств. Отдельными учеными Узбекистана предлагается дополнить норму о терроризме специальным указанием на способы с особым выделением взрыва и поджога⁶³. Действительно, мировая практика известных террористических проявлений подтверждает, что наиболее часто террористы используют взрывы и поджоги. Но эта же практика свидетельствует о двойственном характере взрывов и поджогов, которые в одних случаях действительно выступают в качестве способов, но в других – составляют собственно террористические действия. Кстати, это подтверждают и законодательные определения терроризма ряда стран (Латвия, Россия, Туркменистан, Таджикистан), в которых взрыв и поджог определяются не как способ, а как самостоятельное действие.

В литературе под способом совершения преступления понимают внешнюю форму преступного деяния, характеризующуюся применением приема или совокупности приемов выполнения действия или воздержания от его выполнения при бездействии. Это

⁶¹ См.: Закон Республики Узбекистан “О борьбе с терроризмом” от 15 декабря 2000 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 1–2. – Ст. 15.

⁶² *Лапина М. А.* Экологический терроризм: понятие и борьба с ним // Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера. – М., 2002. – С. 91.

См. также: *Микеев А. К.* Технологический терроризм – современная реальность // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 16–27; *Фефилова В. Ф.* Стратегия совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом // В поисках стратегии управления кризисными ситуациями. – М., 2000. – С. 79; *Бойнов Ю. Н.* Ядерный терроризм: аспекты, типология, профилактика // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 77–84; и др.

⁶³ См.: *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашининг жинойи-хуқуқий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002.

обусловлено тем, что “преступное деяние (содержание) и способ его совершения (внешняя форма) тесно взаимосвязаны, так как содержание не бесформенно, а форма одновременно проявляется в самом содержании”⁶⁴. Кроме того, подчеркивается, что в зависимости от используемых законодателем технико-юридических приемов формулирования способа в одних случаях происходит как бы “сокрытие” его в самом деянии и он составляет с ним единое целое⁶⁵. Полагаем, что подобное имеет место по отношению к взрывам и поджогам при терроризме. Так, физическое насилие при терроризме, выражающееся в умышленном лишении жизни какого-либо человека, может осуществляться путем взрыва, использования огнестрельного оружия, сожжения, применения холодного оружия, отравляющих веществ и т. п. Но взрыв или поджог при терроризме могут совершаться исключительно для осуществления психического насилия, создания атмосферы страха, и тогда они образуют существо самого деяния, являются именно действиями, создающими опасность личности или собственности. В литературе правильно определяется, что взрывы “могут быть направлены против государственных, промышленных, транспортных и военных объектов, редакций газет, журналов и т. п., определенных групп или отдельных лиц, но могут быть и безадресными, рассчитанными на психологический эффект, создание атмосферы страха (взрывы в публичных местах, поездах, вокзалах, ресторанах, банках, во время празднеств и т. п.)”⁶⁶.

Изложенное позволяет прийти к следующему выводу: с учетом двойственного характера взрывов и поджогов при терроризме, проявляющегося в том, что в одних случаях они могут выступать в качестве внешней формы деяния (способ), а в других – образуют его содержание (деяние), их предусмотрение в диспозиции статьи уголовного закона об ответственности за терроризм нецелесооб-

⁶⁴ См.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки). – М., 1995. – С. 73–77.

⁶⁵ См.: Там же. – С. 74.

⁶⁶ Асанов Т. Б., Федоров В. В. Формы терроризма и методы (способы) реализации террористических акций // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 96.

разно.

Проанализированная разновидность терроризма сконструирована с формальным составом, что предопределяет признание терроризма оконченным преступлением, независимо от фактически наступивших последствий, ибо законодатель перечисленные в диспозиции насилие, использование силы, иные деяния, увязывает не с последствиями, а с тем, что эти деяния создают опасность личности или собственности.

2. Угроза осуществления насилия, использования силы, иных деяний, создающих опасность личности или собственности.

Данную разновидность состава следует характеризовать как психическое насилие, проявляющееся в выражении во вне намерения виновного осуществить физическое насилие, использовать силу либо совершить иные деяния, создающие опасность личности или собственности.

Относительно данной формы терроризма в литературе высказывается несколько точек зрения. Так, определяется, что “под угрозой совершения указанных действий следует понимать не только высказывание о намерении учинить акт терроризма, но и совершение действий, свидетельствующих о серьезности и реальности такого намерения. Например, приобретение взрывчатых, биологически опасных, радиоактивных веществ, оружия, совершение предупреждающих взрывов и поджогов, подготовка и совершение действий по отключению жизнеобеспечивающих объектов или остановке технологических процессов, блокированию транспортных коммуникаций и т. п. Именно реальность намерения, объективировавшаяся в конкретных действиях, отличает угрозу от высказывания в форме обнаружения умысла и придает ей уголовно-правовой характер”⁶⁷. Аналогичная позиция высказывается и в других изданиях⁶⁸.

Данный подход, на наш взгляд, представляется ошибочным. Во-

⁶⁷ Новое уголовное право России. Особенная часть. – М., 1996. – С. 225.

⁶⁸ См.: Уголовное право России. Особенная часть. – М., 1996. – С. 222; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 442; Уголовное право. – М., 2001. – С. 446.

первых, ряд действий, которые приводятся авторами в качестве примеров, подтверждающих серьезность и реальность угрозы, сами по себе выступают в качестве насилия, использования силы или иных деяний, создающих опасность личности или собственности, и поэтому должны квалифицироваться как оконченный терроризм. Во-вторых, ряд других действий характеризуют не угрозу, а приговорительные к терроризму действия.

При уяснении этой разновидности терроризма следует исходить из общетеоретических подходов понимания угрозы как самостоятельного уголовно-правового действия. Угрозу относят к числу информационного действия, которое выражается в противоправном насильственном психическом воздействии на потерпевшего либо в противоправном распространении какой-либо информации или сведений. При этом в качестве необходимого условия констатации уголовно-наказуемой угрозы выделяют ее реальность⁶⁹, а иногда это условие определяют как действительность⁷⁰, что не изменяет его содержания, сущность которого состоит в наличии у одного или нескольких лиц или других адресатов (органы власти, управления и др.) достаточных оснований опасаться осуществления угрозы, независимо от того, собирался виновный осуществить ее в действительности или нет.

Угроза осуществления насилия, использования силы, иных деяний, создающих опасность личности или собственности, при наличии соответствующих террористических мотивов и цели, независимо от способов ее осуществления (устно, письменно, с использованием технических средств ее передачи и т. д.), признается оконченной разновидностью терроризма с момента ее доведения до широкого или узкого круга лиц, если она вызвала с их стороны реальное опасение в ее осуществлении.

3. Деятельность, направленная на обеспечение существова-

⁶⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 150; *Антоян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998. – С. 279.

⁷⁰ См.: *Ниязов А. К.* Социально-правовая обусловленность и пределы уголовной ответственности за угрозу по законодательству Республики Узбекистан: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Т., 1996. – С. 7.

ния, функционирования, финансирования террористической организации. Данная разновидность терроризма является по существу правовой регламентацией пособничества “в форме оказания финансовой, информационной, организационной, материально-технической и иной помощи террористическим организованным группам, организациям, сообществам, их руководителям и создателям” и “...обеспечивает жизнедеятельность инфраструктур террористов”⁷¹.

В отечественной литературе до сих пор отсутствует характеристика этой разновидности терроризма. Вместе с тем в действующем уголовном законодательстве предусматривается ответственность за организацию преступного сообщества (ст. 242 УК), объективная сторона состава которого характеризуется двумя разновидностями: 1) устанавливается ответственность организаторов за создание или руководство преступным сообществом или его подразделением; 2) устанавливается ответственность пособников за осуществление деятельности, направленной на обеспечение существования и функционирования преступного сообщества либо его подразделения. Если исходить из системного анализа, то рассматриваемая разновидность терроризма выступает в качестве специальной разновидности пособничества существованию и функционированию преступного сообщества. Это обуславливает констатацию конкуренции общей и специальной норм, которая “существует тогда, когда в законе одновременно содержится две и более нормы, отличающиеся друг от друга по объему”⁷². Различие этих норм состоит в том, что в ст. 155 УК предусматривается ответственность за пособничество исключительно террористической организации, а в ст. 242 УК – всевозможным преступным сообществам и их подразделениям. Следовательно, собственно содержание деятельности этих разновидностей пособничества не отлича-

⁷¹ Фефилова В. Ф. Стратегия совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом // В поисках стратегии управления кризисными ситуациями. – М., 2000. – С. 80–81.

⁷² Якубов А. С., Кабулов Р. Новое в уголовном законодательстве. – Т., 1995. – С. 32.

ется.

Анализ имеющейся немногочисленной отечественной литературы свидетельствует, что при характеристике содержания пособничества в общей норме (ст. 242 УК) среди ученых не возникает разногласий, в основном даются идентичные толкования, более или менее полные. Так, М. Х. Рустамбаев считает, что деятельность, направленная на обеспечение существования и функционирования преступного сообщества “может выражаться в материальном обеспечении членов преступного сообщества, оказании любой поддержки преступному сообществу, как то: предоставление транспортных средств, поддельных документов, снабжение техническими средствами, “отмывание денег”, полученных в результате преступной деятельности, и т. д.”⁷³. Другие авторы предлагают более полную характеристику и считают, что эта деятельность может выражаться в инвестировании денежных средств для организации или деятельности преступного сообщества; предоставлении транспортных средств или помещений для членов преступного сообщества; деятельности, направленной на подкуп и коррумпирование органов власти и управления; аналитической работе по выявлению “пробелов” законодательства; юридических и иных консультациях; “отмывании” средств, полученных в результате преступной деятельности, т. е. создании всевозможных условий для безопасного функционирования преступного сообщества либо его подразделений⁷⁴. Представляется, что подобные толкования в полной мере применимы и к анализируемой разновидности терроризма, хотя, несомненно, перечень пособнической деятельности можно расширить и за счет деятельности по поставке оружия, способствованию осуществлению криминальной составляющей террористических организаций, таких, как незаконный оборот наркотиков, фальшивомонетничество, сексуальная

⁷³ Рустамбаев М. Х. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 379.

⁷⁴ См.: Якубов А. С., Кабулов Р. Новое в уголовном законодательстве. – Т., 1995. – С. 54; Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 311; Кадыров М. М. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 322.

эксплуатация, незаконная продажа трансплантатов, порнография, контрабанда товаров и людей и др.

Закон в качестве самостоятельной пособнической деятельности террористическим организациям называет финансирование, которое, по нашему мнению, является составной частью общей деятельности, направленной на обеспечение существования и функционирования террористической организации. Вместе с тем специальное указание на эту разновидность пособнической деятельности вполне обусловлено вниманием, уделяемым финансированию в международных документах.

Источники финансирования могут иметь как нелегальный, так и легальный характер. Осуществление террористической организацией либо ее подразделениями криминальной деятельности является одним из способов получения финансовых средств, позволяющих ей реализовывать основную деятельность по существованию и функционированию, подготовке и осуществлению террористических актов. Вместе с тем современная практика показывает, что источники финансирования терроризма достаточно часто имеют легальный характер, в числе которых наиболее частыми, как подчеркивается в литературе, выступают различные законно действующие коммерческие предприятия, принадлежащие как непосредственно участникам террористических групп, так и симпатизирующим им деловым людям, пожертвования через социальные и религиозные организации и даже спонсорская помощь отдельных государств⁷⁵.

Из изложенного следует, что в качестве самостоятельной разновидности терроризма предусматривается **пособничество террористическим организациям и их подразделениям**, имеющее интеллектуальный или физический характер и направленное на обеспечение безопасности, воспроизводство и наращивание людских и материальных ресурсов и силы. Подобная деятельность может быть как заранее обещанной, так и заранее не обещанной.

Пособническая деятельность по обеспечению существования,

⁷⁵ См.: Устинов В. Конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Российская юстиция. 2002. № 3. – С. 10.

функционирования и финансирования террористических организаций отличается от пособничества совершению конкретной террористической деятельности, выступающей в качестве четвертой разновидности состава терроризма, степень общественной опасности которой является более высокой и в сравнении с конкретными террористическими актами. Вместе с тем, как нам представляется, это не нашло адекватного отражения в действующем уголовном законе. Расположение данной разновидности терроризма в ч. 1 ст. 155 УК, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы от восьми до десяти лет, недоучитывает ее преступную значимость и общественную опасность, поскольку даже пособническая деятельность чисто криминальному преступному сообществу, организованной группе и другим формам соучастия оценивается законодателем гораздо строже, за нее в соответствии с ч. 1 ст. 242 УК предусматривается возможность назначения наказания в виде лишения свободы от пятнадцати до двадцати лет. Следовательно, пособническая деятельность преступным сообществам в соответствии с действующей классификацией преступлений (ст. 15 УК) отнесена к категории особо тяжких преступлений, пособническая же деятельность террористическим организациям является лишь тяжким преступлением, что вряд ли можно как-то объяснить.

В специальной литературе указывается: “Наличие в уголовном законе специальных норм наряду с общими обусловлено тем, что специальные нормы иначе решают вопросы уголовной ответственности по сравнению с общей, либо в сторону смягчения либо в сторону ужесточения”⁷⁶. Чем же было социально обусловлено смягчение ответственности за общее пособничество террористической организации, когда “...в борьбе с терроризмом задача, как признано сейчас во всем мире, не сводится исключительно к выявлению и пресечению отдельных террористических преступлений, а стоит гораздо шире – пресечь саму террористическую дея-

⁷⁶ Якубов А. С., Кабулов Р. Новое в уголовном законодательстве. – Т., 1995. – С. 32.

тельность...”⁷⁷?

Убедительного ответа мы не находим, в связи с чем предлагаем ответственность за пособническую деятельность террористическим организациям исключить из ч. 1 и предусмотреть ее в ч. 3 ст. 155 УК, сформулировав последнюю в следующей редакции: *“Деятельность, направленная на обеспечение существования, функционирования, финансирование террористической организации, а равно деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, повлекшие:*

а) смерть человека;

б) иные тяжкие последствия, – ”.

4. Финансирование подготовки и совершения террористических актов, прямое или косвенное предоставление или сбор любых средств, ресурсов, иных услуг террористическим организациям либо лицам, содействующим или участвующим в террористической деятельности.

Данная разновидность терроризма, в отличие от предшествующей, определенной нами как пособничество террористическим организациям, характеризует пособничество террористической деятельности, которая не обязательно осуществляется организациями, признаваемыми террористическими.

В ст. 2 Закона Республики Узбекистан “О борьбе с терроризмом” от 15 декабря 2000 г.⁷⁸ определяется, что под террористической деятельностью следует понимать деятельность, включающую в себя организацию, планирование, подготовку и осуществление террористической акции, подстрекательство к террористической акции, создание террористической организации, вербовку, подготовку и вооружение террористов, их финансирование и материально-техническое обеспечение. Таким образом, понятием террористической деятельности охватывается деятельность организаторов, подстрекателей и пособников, а пособничество такой деятельности относится законодателем к самостоятельной разно-

⁷⁷ Устинов В. Конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Российская юстиция. 2002. № 3. – С. 8.

⁷⁸ См.: Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 1–2. – Ст. 15.

видности терроризма.

Данный вид пособничества как разновидности терроризма следует отличать от пособника, принимающего участие собственно в террористической деятельности и выступающим ее соучастником. Во-первых, “непосредственный” пособник действует только в рамках заранее данного обещания, а пособничество террористической деятельности допускает как заранее обещанное оказание содействия, так и заранее не обещанное финансирование, прямое или косвенное предоставление или сбор любых средств, ресурсов и иных услуг. Во-вторых, пособничество террористической деятельности оценивается законодателем как исполнительство, а пособничество совершению конкретных актов терроризма должно рассматриваться в рамках общего института соучастия, что обуславливает квалификацию его действий по ч. 5 ст. 28 и соответствующей части ст. 155 УК. В-третьих, если пособник оказывает содействие в процессе подготовки террористического акта, который не был начат по обстоятельствам, от него не зависящим, его деятельность должна оцениваться только как неудавшееся соучастие и квалифицироваться по ч. 1 ст. 25 УК как приготовление к терроризму, а деятельность пособника террористической деятельности будет расцениваться как оконченное преступление. Так, например, если лицо обучает исполнителей будущего террористического акта пользованию взрывными устройствами, которые были приобретены на средства, предоставленные другим лицом, а совершение террористического акта было отложено, то на этом этапе деятельность первого лица будет оцениваться как пособничество в приготовлении к террористическому акту, а деятельность второго, предоставившего средства для приобретения взрывных устройств, как пособничество террористической деятельности в виде оконченного исполнительства.

Таким образом, **пособничество в террористической деятельности** представляет собой интеллектуальное или физическое обеспечение террористической деятельности организаторов, подстрекателей пособников или исполнителей в виде финансирования, прямого или косвенного предоставления или сбора любых средств, ресурсов, иных услуг.

Проведенный анализ четырех разновидностей состава терроризма, которыми охватываются как террористические акты, угрозы их совершения, пособничество террористическим организациям и пособничество собственно террористической деятельности, обнажил проблему ответственности организаторов и участников террористических групп и организаций.

Основываясь на систематическом толковании, приходим к выводу, что ответственность создателя, руководителя, участника террористических организованных групп, сообществ, организаций не предусматривается ст. 155 УК, что, на наш взгляд, если учитывать тот факт, что пособничество террористическим организациям оценивается законодателем как разновидность терроризма, является необоснованным. Организаторы террористических сообществ и их подразделений, следовательно, за создание и (или) руководство должны подлежать ответственности по ч. 1 ст. 242 УК. Что же касается организатора конкретного террористического акта, то его действия подлежат квалификации по ч. 3 ст. 28 и соответствующей части ст. 155 УК.

Не предусмотрена специальная ответственность за участие в террористической организованной группе или сообществе, если только эта группа не является вооруженной, что обуславливает оценивать такую деятельность по ч. 2 ст. 242 УК.

Однако в названных случаях, даже на уровне статистических показателей, такая достаточно опасная деятельность как бы “выпадает” из общего поля террористической преступности. Поэтому полагаем, что будет вполне последовательным осуществить специальную правовую регламентацию уголовной ответственности создателей, руководителей террористических организаций и их подразделений, а равно за участие в террористической организованной группе, сообществе, организации, что целесообразно предусмотреть в ч. 3 ст. 155 УК наряду с пособничеством террористическим организациям.

Таким образом, полагаем, что ч. 3 ст. 155 УК надлежит сформулировать в следующей редакции: *“Создание или руководство террористической организацией либо их подразделений, участие в террористической организованной группе, сообществе, органи-*

зации, деятельность, направленная на обеспечение существования, функционирования, финансирование террористической организации, а равно деяния, предусмотренные частью первой или второй статьи, повлекшие:

а) смерть человека;

б) иные тяжкие последствия, – ”.

5. Покушение на жизнь, причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю или представителю власти.

Данная разновидность терроризма, в силу своей традиционности и достаточно исчерпывающей полноты изложения признаков объективной стороны в диспозиции ч. 2 ст. 155 УК, не должна была бы вызывать особых вопросов. Однако анализ специальной литературы свидетельствует, что при толковании допускается ограничительный подход, проявляющийся в неправильной оценке одного из альтернативно определенных в законе деяний. Ошибка состоит в том, что термин “покушение” относят только к жизни⁷⁹, в то время как этот признак выступает общим и по отношению к жизни, и по отношению к причинению телесных повреждений. Таким образом, с объективной стороны данную разновидность состава терроризма альтернативно образуют два деяния, выражающиеся в: 1) покушении на жизнь; 2) покушении на причинение телесных повреждений.

Понятие покушения на преступление содержится в ч. 2 ст. 25 УК, которым признается начало совершения умышленного преступления, неоконченного по независящим от лица обстоятельствам. Следовательно, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 155 УК, должно признаваться оконченным именно с момента осуществления собственно покушения на убийство либо причинения телесных повреждений любой степени тяжести. Исходя из этого, для признания наличия данного состава фактического наступления последствий в виде смерти, тяжких, средней тяжести или лег-

⁷⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 191; *Кадыров М. М.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 134; *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 167, 168.

ких телесных повреждений не требуется.

Вместе с тем, с учетом законодательной конструкции, фактическое наступление указанных последствий может повлечь за собой следующие правовые решения. Во-первых, если в результате покушения на жизнь фактически наступает смерть государственного или общественного деятеля или представителя власти, то содеянное подлежит правовой оценке по п. “а” ч. 3 ст. 155 УК и исключает дополнительную квалификацию по ч. 2 ст. 97 УК. Во-вторых, если в результате покушения на жизнь или причинения телесных повреждений фактически причиняется вред здоровью различной тяжести, все содеянное охватывается признаками состава, предусмотренного ч. 2 ст. 155 УК, и не требует дополнительной квалификации по статьям за умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого телесного повреждения (ст. ст. 104, 105, 109 УК). Но с учетом того, что факт наступления последствия оказывает влияние на степень вины субъекта, это подлежит учету при определении виновному меры наказания.

6. Терроризм, повлекший наступление смерти человека либо иные тяжкие последствия.

Квалифицированный вид состава терроризма, предусмотренный ч. 3 ст. 155 УК, отнесен законодателем к категории особо тяжкого преступления – одного из четырех, за которые допускается применение наказания в виде смертной казни. Эта норма, содержащая материальный состав терроризма, должна применяться в случаях наступления смерти хотя бы одного человека либо наступления иных тяжких последствий, явившихся результатом совершения любого действия, составляющего другие разновидности терроризма, предусмотренных в ч. 1 или ч. 2 ст. 155 УК.

Первый признак, предусмотренный в п. “а” ч. 3 ст. 155 УК, вполне определенный и характеризует преступное последствие в виде смерти одного человека. В случаях, когда в результате террористической акции или деятельности наступает смерть более одного человека, содеянное надлежит квалифицировать по п. “б” ч. 3 ст. 155 УК и расценивать как “иное тяжкое последствие”.

Второй признак, предусмотренный в п. “б” ч. 3 ст. 155 УК, определенный законодателем как “иное тяжкое последствие”, яв-

ляется оценочным, в силу чего в литературе высказываются различные рекомендации относительно его понимания. Отечественные специалисты под этим признаком рекомендуют понимать “причинение тяжкого телесного повреждения многим людям, разрушение или уничтожение зданий, сооружений, осложнение или прекращение отношений между государствами, срыв переговоров, имеющих важное политическое и экономическое значение, дестабилизацию обстановки, уничтожение объектов жизнеобеспечения населенных пунктов”⁸⁰, “осложнение международных отношений (например, разрыв дипломатических отношений в результате террористического акта), возникновение войны либо нарушение политической или социально-экономической стабильности в Республике Узбекистан”⁸¹, уничтожение здания или самолета, захваченного террористами, нарушение графика полетов самолетов, особенно на международных авиалиниях, осложнение или свертывание политических, экономических и других отношений между государствами, срыв переговоров, разрыв дипломатических и консульских отношений, отмену визита правительственной делегации, военное противостояние⁸² и т. п.

Этот перечень можно было и продолжить, но при оценке тех или иных последствий с позиции их тяжести следует руководствоваться в первую очередь волей законодателя, который, формулируя террористические мотивы и цели и конструируя, за исключением квалифицированного, все остальные разновидности терроризма с формальным составом, по существу представил для правоприменителя достаточно четкие ориентиры для определения последствий. Основываясь на таком подходе, полагаем, что к тяжким следует относить любые последствия, причем не только материального, но и нематериального характера⁸³, выражающиеся

⁸⁰ *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 168.

⁸¹ *Кадыров М. М.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 134–135.

⁸² См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 191.

⁸³ См.: *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1999. – С. 173–176.

в осложнении международных отношений, нарушении суверенитета государства, нарушении территориальной целостности, нарушении безопасности государства, начале военных действий или вооруженного конфликта, дестабилизации общественно-политической обстановки, сложившейся среди населения атмосферы страха, вынужденном выполнении требований террористов. Несомненно, что при оценке тяжести последствий, наступивших в результате террористического акта, следует руководствоваться конкретными обстоятельствами его совершения.

Важно отметить, что если в результате террористической деятельности наступает смерть человека или иные тяжкие последствия, они подлежат вменению и лицам, которые осуществляли пособничество террористической организации, члены или подразделения которой выполнили конкретный террористический акт.

СУБЪЕКТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА ТЕРРОРИЗМА

Субъективная сторона терроризма. Объективная составляющая любого преступления может быть правильно понята, следовательно, и правильно оценена лишь “при наличии соответствующего психического отношения к деянию и последствиям со стороны совершившего его лица”⁸⁴, ибо, как всякий акт волевого поведения (активного или пассивного)⁸⁵, преступление представляет собой психофизическое единство внутренней (психической) и внешней (физической) сторон деяния⁸⁶, и “каждый признак существует лишь в совокупности с остальными и представляет собой необходимую часть неразрывного целого”⁸⁷. Это достаточно аксиоматичное доктринальное положение в конструкции состава терроризма проявляется весьма наглядно, так как объективная характеристика приобретает свою индивидуальную специфику, позволяющую констатировать ту или иную разновидность терроризма, только при точном определении субъективной характеристики.

Общепризнанное понимание субъективной стороны составляют признаки: вина, мотив и цель.

Вина характеризует психическое отношение вменяемого лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности⁸⁸, которую примени-

⁸⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 27.

⁸⁵ Толкование понятий “действие” и “бездействие” см. в Разделе восьмом Особой части УК Республики Узбекистан.

⁸⁶ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. – М.-Л., 1948. – С. 50; Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С. 8.

⁸⁷ Кабулов Р. О понятии состава преступления // Хуқуқ–Право–Law. 2002. № 3. – С. 25.

⁸⁸ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический

тельно к составу терроризма в отечественной литературе определяют в основном достаточно категорично: только прямой умысел⁸⁹. При этом в обосновании такого решения основным аргументом является указание на наличие специальной цели.

В принципе данное решение вполне обоснованно, учитывая тот факт, что разновидности терроризма, предусмотренные в ч. 1 и ч. 2 ст. 155 УК, сконструированы с формальным составом, в которых, если руководствоваться ч. 1 ст. 21 УК и теоретическими рекомендациями⁹⁰, возможен только прямой умысел. Таким образом, рекомендации о вине терроризма в форме прямого умысла правильны только по отношению тех разновидностей, которые сконструированы с формальным составом.

Содержание интеллектуального признака прямого умысла в формальных разновидностях состава терроризма характеризуется тем, что лицо сознает общественно опасный характер деяний в виде насилия, использования силы, иных актов, создающих опасность личности или собственности, угрозы их осуществления, деятельности, направленной на обеспечение существования, функционирования террористических организаций, финансирования подготовки и совершения террористических актов, прямого или косвенного предоставления, сбора любых средств, ресурсов, иных услуг террористическим организациям либо лицам, содействующим или участвующим в террористической деятельности, покушении на жизнь или покушении на причинение телесных повреждений государственному или общественному деятелю или представителю власти.

комментарий. – Т., 1996. – С. 33.

⁸⁹ См.: *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 167; *Кадыров М. М.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 134; Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 191; *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга карши курашнинг жиноий-хукукий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 35-б.; и др.

⁹⁰ См.: *Якубов А. С.* Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 113; Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 41.

Содержание волевого признака прямого умысла в формальных разновидностях состава терроризма характеризуется наличием у субъекта желания совершить указанные выше деяния.

Не так однозначно следует оценивать содержание вины в разновидностях терроризма, сконструированных с материальным составом и предусмотренных в ч. 3. ст. 155 УК.

Анализ отечественной литературы свидетельствует о том, что, как правило, исследователи не обращают особого внимания на содержание вины в квалифицированном составе терроризма, из чего можно предположить, что проблемы нет и общие утверждения о вине в форме прямого умысла относимы также к составам преступлений, предусмотренным в ч. 3 ст. 155 УК. Подобное “невнимание” к этому вопросу со стороны ученых-правоведов Узбекистана необоснованно. Лишь в единичных публикациях предпринимаются попытки заполнить образовавшийся пробел, но в них допускается неверное с позиции устоявшихся общетеоретических доктринальных положений толкование закона, и, как результат, формулируются ошибочные рекомендации правоприменительным органам по вопросам квалификации⁹¹. Основная методологическая ошибка О. Г. Крутько, повлекшая за собой следующие неправильные рекомендации по квалификации, состоит в том, что вина по отношению к смерти человека или иным тяжким последствиям, как признаков, образующих квалифицированный состав терроризма, им определяется только как неосторожная. Во-первых, подобное ограничительное толкование не основано на законе, ибо в тексте статьи УК Узбекистана форма вины не прописана, как это имеет место, например, в ч. 3 ст. 205 УК России или п. “а” ч. 4 ст. 179 УК Таджикистана, в которых прямо определяется: повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Во-вторых, вывод О. Г. Крутько достаточно абсурден, поскольку общепризнанно, что оценка состава преступления, сформули-

⁹¹ См.: *Крутько О. Г.* Некоторые проблемы квалификации терроризма // *Терроризмга қарши кураш: илмий-амалий ва назарий муаммолар.* – Т., 2002. – С. 245–252.

рованного в диспозиции статьи, не может осуществляться в отрыве от другой части статьи – санкции. Абсурдность вывода о неосторожной форме вины в таком ракурсе очевидна, ибо за терроризм, повлекший смерть человека или иные тяжкие последствия, законодатель предусмотрел не только возможность наказания в виде лишения свободы от пятнадцати до двадцати лет, но и смертную казнь. Риторический вопрос: допускается ли применение смертной казни за неосторожное преступление?

В-третьих, делая вывод о неосторожном психическом отношении виновного к последствиям терроризма, О. Г. Крутько, по-видимому, следовало руководствоваться системным принципом и взаимозависимостью Общей и Особенной частей уголовного законодательства, что требовало анализ субъективной стороны ч. 3 ст. 155 УК осуществлять в соответствии с предписаниями ст. 23 УК, где определяется, что если в результате умышленного совершения преступления лицо причиняет иные общественно опасные последствия по неосторожности, с которыми закон связывает повышенную ответственность, такое преступление признается совершенным умышленно. В литературе, в зависимости от законодательной конструкции, выделяют две разновидности преступлений со сложной виной, одну из которых “составляют преступления, в которых формальный основной состав дополняется преступным последствием в квалифицированном составе. В таких преступлениях сложная вина характеризуется умыслом по отношению к признакам основного формального состава и неосторожностью по отношению к квалифицирующим этот состав последствиям”⁹². Поэтому, даже если принять высказанную О. Г. Крутько точку зрения, то все равно квалифицированный состав терроризма следует определять как умышленный.

Изложенные выше соображения не только ставят под сомнение обоснованность выдвигаемых О. Г. Крутько рекомендаций по квалификации различных ситуаций по субъективной стороне, но и

⁹² Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 45; Якубов А. С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 120.

позволяют высказаться более категорично: они не основаны на законе и теории уголовного права, поэтому не подлежат восприятию правоприменителем, так как в своей основе ошибочны.

Содержание субъективной стороны в квалифицированном составе терроризма представляется достаточно разнообразным и по существу охватывает весь спектр форм вины и их разновидностей, известных уголовному законодательству. Мы утверждаем, что психическое отношение к последствиям терроризма, формальные разновидности которого характеризуются прямым умыслом, возможно и в виде прямого умысла, и в виде косвенного умысла, и в виде неосторожности, что не исключает возможности характеризовать терроризм с субъективной стороны как преступление умышленное. Обоснуем свою позицию.

В ст. 21 УК определяется, что преступление, окончание которого статья уголовного закона определяет моментом наступления общественно опасных последствий, может быть совершено с прямым или косвенным умыслом. При этом преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего деяния, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. Преломляя эту законодательную формулу к содержанию состава терроризма, следует констатировать наличие прямого умысла в тех случаях, когда, осознавая общественную опасность деяний, образующих разновидности терроризма, субъект предвидит, что они приведут к наступлению последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 155 УК, и желает их наступления. В таких случаях все содеянное в целом подлежит квалификации только по ч. 3 ст. 155 УК и ни о какой совокупности преступления, как это утверждается в литературе⁹³, речи быть не может. Так, например, следует оценивать как прямой умысел психическое отношение террористов-камикадзе, захвативших гражданские самолеты и направивших их в здания Всемирного торгового центра в г. Нью-

⁹³ См.: Крутько О. Г. Некоторые проблемы квалификации терроризма // Терроризмга қарши кураш: илмий-амалий ва назарий муаммолар. – Т., 2002. – С. 249.

Йорк (США) 11 сентября 2001 г., в результате чего произошло обрушение этих зданий и погибли тысячи невинных людей. Исходя из таких объективных обстоятельств вполне очевидно, что террористами осознавалась общественная опасность осуществляемых ими действий, что они предвидели последствия такого поведения и желали чтобы именно такие последствия, которые наступили, имели место в реальной действительности.

Терроризм может быть совершен и с косвенным умыслом. При характеристике содержания косвенного умысла в литературе отмечается, что “волевой признак косвенного умысла достаточно близок по содержанию к волевому признаку прямого умысла в той части, которая проявляется в положительном отношении лица к последствиям, реальную возможность наступления которых оно приводит. Вместе с тем, если при прямом умысле воля лица направлена на достижение конкретной цели, реализация которой и обуславливает наступление желаемого им преступного результата, то при косвенном умысле целевые установки не совпадают с допускаемым преступным последствием, наступление которого субъектом одобряется как неперемное условие реализации конечного мысленного результата преступного поведения”⁹⁴. Такое понимание содержания волевого признака косвенного умысла в полной мере относимо и к составу терроризма, в котором для ряда разновидностей предусматриваются альтернативные целевые установки. Так, например, если террорист с целью осложнения международных отношений или провокации войны либо вооруженного конфликта использует силу в виде подрыва автомашины, начиненной взрывчаткой, оставленной у посольства иностранного государства, в результате чего происходит обрушение здания и наступает гибель нескольких сотрудников персонала, психическое отношение к наступившим последствиям следует характеризовать как косвенный умысел, ибо гибель персонала и повреждение здания (собственности) им одобряется как неперемное условие достижения действительно желаемого результата – послед-

⁹⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 42.

ствий в виде осложнения международных отношений, наступления состояния войны или возникновения вооруженного конфликта.

Психическое отношение к предусмотренным в ч. 3 ст. 155 УК последствиям может характеризоваться и неосторожностью. Причем такие ситуации могут иметь место как в случаях, когда вина к признакам основного формального состава характеризуется прямым умыслом и неосторожностью к квалифицирующим этот состав последствиям, так и в случаях, когда к различным преступным последствиям психическое отношение виновного характеризуется по-разному: к одним – в виде умысла, к другим – в виде неосторожности. Речь идет о таких случаях терроризма, в которых субъективная сторона характеризуется сложной виной, и, как определяется в ст. 23 УК, такие преступления признаются в целом совершенными умышленно. В литературе правильность данного законодательного решения объясняется обусловленностью “...умышленной формой вины в основном составе. Психическое отношение лица в форме неосторожности проявляется только к последствиям, которые образуют квалифицированные составы преступлений. Следовательно, неосторожное отношение к квалифицирующему последствию усиливает ответственность и потому не устраняет правовых последствий совершенного умышленного основного состава преступления”⁹⁵. Так, если в результате захвата террористами объекта жизнеобеспечения населения, например, электростанции, с целью последующего понуждения властных структур к выполнению определенных требований произошел сбой в работе этого объекта, что повлекло за собой из-за отключения электроэнергии массовую гибель в специализированных хозяйствах по производству птицы, рыбы или других выращиваемых животных, психическое отношение виновных лиц к этим тяжким последствиям следует характеризовать как неосторожность.

⁹⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 45; Якубов А. С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 120.

Содержание вины в значительной мере может быть правильно понято и установлено через мотив и цель терроризма, поскольку именно мотивация обуславливает формирование конечного результата – цели, а их совокупность предопределяет содержание конкретного интеллектуального и волевого отношения субъекта к своему преступному поведению.

В литературе правильно подчеркивается, что “мотив в террористической деятельности является тем системообразующим элементом, который определяет многие ее элементы: тактические и стратегические цели, преимущественные объекты и формы преступных посягательств, выбор места и времени совершения акта терроризма, отношение к СМИ и общественному мнению и др.”⁹⁶. Однако, несмотря на значимость этого признака терроризма, поражает ненадлежащее к нему отношение со стороны исследователей, ибо изучение значительного массива специальной литературы и аналитических материалов, в том числе и отечественных, свидетельствует, что лишь 1–2 % источников уделяют внимание этой проблеме, причем, как правило, в основном поверхностно. И если зарубежных авторов как-то можно оправдать, поскольку их характеристики и анализ основываются на собственных законодательных определениях понятия терроризма, в которых отсутствует указание на мотив как “системообразующий элемент” терроризма, то подобному невниманию со стороны узбекистанских ученых объяснения мы не находим. Вместе с тем действующий уголовный закон достаточно четко определил обязательную мотивацию для некоторых разновидностей терроризма, что, несомненно, имеет практическую значимость, ибо фиксированное закрепление мотивов в законе позволяет отграничивать терроризм от других категорий преступлений, причем, нередко, именно при помощи мотива, что будет нами рассмотрено в следующем параграфе.

Итак, какой же мотив имеет место при разновидностях терро-

⁹⁶ *Петрищев В. Е.* О разграничении компетенции и организации взаимодействия в профилактике терроризма // В поисках стратегии и организации взаимодействия в профилактике терроризма. – М., 2000. – С. 55.

ризма? В соответствии с законодательным предписанием, мотив в качестве конститутивного признака присутствует в первых двух, рассмотренных выше, разновидностях терроризма. В качестве такого мотива закон называет потребность либо интерес террориста понудить государственный орган, международную организацию, их должностных лиц, физическое или юридическое лицо совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности. Следовательно, побудительной причиной осуществления террористом в объективной действительности насилия, использования силы, иных деяний, создающих опасность личности или собственности, либо угроза их осуществления является потребность понуждения к выполнению либо невыполнению какой-либо деятельности, желанной для террориста, что позволит ему достичь соответствующего мысленного результата. Именно эти действия, по мысли субъекта, смогут заставить названных физических или юридических лиц выполнить выдвигаемые им требования. Таким образом, в качестве мотивов, как обязательного признака названных разновидностей состава терроризма, альтернативно могут выступать: а) *потребность в каких-либо преобразованиях*; б) *потребность недопущения каких-либо преобразований*⁹⁷. При этом в качестве метода удовлетворения таких потребностей выбирается насилие, посредством которого какое-либо физическое или юридическое лицо, по мнению субъекта, возможно заставить осуществить или воздержаться от осуществления определенной деятельности с тем, чтобы желаемые преобразования наступили либо, наоборот, нет. Следовательно, “понуждение” выступает одной из составляющих мотивации.

В общеупотребительном значении “понуждение” выступает в качестве синонима слова “принуждение”, означающее “заставить сделать что-нибудь”⁹⁸. Отсюда, и юридические термины “понуждение” и “принуждение”, с точки зрения законодательной техники, должны иметь идентичное значение, ибо “юридический тер-

⁹⁷ См.: *Самойлов Г. В.* Террористическая деятельность как система целенаправленных действий // *Терроризм: современные аспекты.* – М., 1999. – С. 73.

⁹⁸ См.: *Ожегов С. Н.* Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 485, 515.

мин – это использованное в законе слово (или словосочетание), которое является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью”⁹⁹. С этих позиций термин “понуждение”, являющийся синонимом термина “принуждение”, применительно ко всем случаям его употребления в уголовном законе должен толковаться однозначно. С этих позиций вряд ли правильно толкование термина “понуждение” в литературе только как психическое воздействие¹⁰⁰. Понуждение, применительно к любым случаям употребления этого термина в законе, должно означать осуществление как психического, так и физического воздействия, применяемых для того, чтобы заставить кого-либо сделать что-нибудь. Именно в таком понимании употреблен этот термин в составе терроризма, правда, не в качестве действия или способа, а мотива терроризма, ибо побудительными факторами применения физического воздействия (насилия, использования силы, иных деяний, создающих опасность личности или собственности) к определенным лицам выступает потребность либо интерес заставить этих лиц или других органов и лиц выполнить желаемые для террористов требования.

Достаточно ясно определена мотивация и в ч. 2 ст. 155 УК, так как покушение на жизнь или причинение телесного повреждения государственному или общественному деятелю либо представителю власти осуществляется **в связи с их государственной или общественной деятельностью**. Именно государственная или общественная деятельность названных лиц выступает в качестве побудительной причины предпринимаемого в отношении них посягательства. Таким образом, в качестве мотива при посягательстве на жизнь или здоровье государственного, общественного деятеля или представителя власти выступает *побуждение неудовлетворенности осуществляемой по службе или в силу гражданского*

⁹⁹ Рарог А. Н., Грачева Ю. В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. – С. 96.

¹⁰⁰ См.: Рустамбаев М. Х. Уголовное право Республики Узбекистан. Особая часть. – Т., 2002. – С. 109.

долга потерпевшим деятельности¹⁰¹.

Известно, что мотив тесным образом связан с целью преступления, поскольку, “руководствуясь мотивом, лицо ставит себе ту или иную цель, которая также связана с его потребностями и интересами. Цель характеризует тот непосредственный результат, который стремится достигнуть лицо, совершая то или иное преступление”¹⁰². Применительно к рассмотренным разновидностям состава терроризма цели в законе также определены достаточно четко. Руководствуясь потребностью понудить государственный орган, международную организацию, их должностных лиц, физическое или юридическое лицо совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности (мотив), террорист альтернативно может преследовать достижение одной из следующих целей: а) осложнить международные отношения; б) нарушить суверенитет и территориальную целостность государства; в) подорвать безопасность государства; г) спровоцировать войну; д) спровоцировать вооруженный конфликт; е) дестабилизировать общественно-политическую обстановку; ж) создать обстановку страха среди населения.

Достаточно четко сформулированы целевые установки и в ч. 2 ст. 155 УК. Террорист, осуществляя покушение на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля, представителя власти в связи с их государственной или общественной деятельностью, альтернативно преследует достижения одной из следующих целей: а) дестабилизировать обстановку; б) воздействовать на принятие решений государственными органами; в) воспрепятствовать политической или иной общественной деятельности.

Следует отметить, что перечень целей в законодательстве Узбекистана, с учетом имеющегося в мировой практике опыта, в це-

¹⁰¹ Теоретическое обоснование отнесения к мотиву посягательств деятельности потерпевшего осуществлено А. Г. Закировой (См.: *Закирова А. Г.* Уголовно-правовая охрана личности и прав сотрудников правоохранительных органов: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Т., 1997. – С. 7, 16.).

¹⁰² *Емельянов В. П.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3. – С. 84–85.

лом весьма объемён и практически охватывает все их разнообразие. Вместе с тем, представляется, что одна из целей, которую достаточно часто преследуют террористы, осталась за рамками правового регулирования. Мы имеем в виду цель возмездия тем или иным государствам, органам или лицам за ту деятельность, которую они осуществляют, и которая не устраивает по каким-либо причинам террористов. Следует отметить, что в законодательствах других государств (например, США¹⁰³, Россия¹⁰⁴) такая цель террористической деятельности как месть, возмездие законодательно урегулированы. Поэтому предлагаем предусмотреть для террористической деятельности (ч. 1 ст. 155 УК) и террористического акта против государственного или общественного деятеля, представителя власти (ч. 2 ст. 155 УК) в качестве цели *месть, возмездие* за деятельность, осуществляемую юридическими и физическими лицами, предусмотренных в соответствующих диспозициях ст. 155 УК

Субъект терроризма. Проблема определения субъекта терроризма не представляет какой-либо сложности с позиции ее законодательного урегулирования. В соответствии со ст. 2 Закона Республики Узбекистан “О борьбе с терроризмом” от 15 декабря 2000 г. под террористами следует понимать лиц, участвующих в осуществлении террористической деятельности, которая, в свою очередь, определяется как “деятельность, включающая в себя организацию, планирование, подготовку и осуществление террористической акции, подстрекательство к террористической акции, создание террористической организации, вербовку, подготовку и вооружение террористов, их финансирование и материально-техническое обеспечение”¹⁰⁵. Отсюда следует, что к числу террористов, т. е. лиц, подлежащих ответственности за терроризм, сле-

¹⁰³ См.: Власихин В. Угрожает ли “Акт патриота” Биллю о правах? Новый антитеррористический закон США // Российская юстиция. 2002. № 1. – С. 61.

¹⁰⁴ См.: Правовое обеспечение противодействия терроризму. – М., 1998. – С. 5.

¹⁰⁵ См.: Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 1–2. – Ст. 15.

дует относить не только непосредственных исполнителей террористических актов, но и другие разновидности соучастников (организатора, подстрекателя, пособника), которые, с учетом регламентации в уголовном законе, должны оцениваться как соисполнители.

Вместе с тем этих общих положений для определения признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 155 УК, недостаточно. Следует учитывать также признаки, предусмотренные в ст. ст. 17 и 18 УК. Их анализ позволяет конкретизировать признаки субъекта терроризма, содержащиеся в действующем уголовном законодательстве, и определить, что в качестве таковых могут выступать физические, вменяемые лица, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. При этом следует иметь в виду, что субъектами терроризма могут быть как граждане Республики Узбекистан, так и иностранцы, и лица без гражданства.

Несмотря на однозначность законодательного решения относительно признаков субъекта терроризма, в отдельных исследованиях встречаются предложения о необходимости пересмотра возраста уголовной ответственности за данное преступление, а также достаточно активно дискутируется проблема установления ответственности за терроризм юридических лиц и государств.

Проблема возраста уголовной ответственности за терроризм до последнего времени особо не полемизировалась, несмотря на то, что в различных законодательных системах нижний возрастной предел определяется по-разному. Так, например, в России за терроризм (ст. 205 УК) в соответствии со ст. 20 УК ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста, в то время как за террористический акт (ст. 277 УК) нижняя возрастная граница ответственности установлена в шестнадцать лет. Аналогичным образом решается вопрос и в действующем уголовном законодательстве Таджикистана.

Как отмечалось выше, в Узбекистане за терроризм ответственность устанавливается с шестнадцати лет. Вместе с тем отдельные отечественные ученые предлагают понизить эту возрастную границу и установить уголовную ответственность за терроризм с

тринадцати лет¹⁰⁶. К сожалению, должной аргументации в пользу такого законодательного решения мы не находим, но полагаем, что предложения относительно установления более низкой, чем шестнадцать лет, границы недостаточно обоснованы по ряду причин. Во-первых, общепризнанно, что возраст уголовной ответственности “...определяется законодателем не произвольно, а устанавливается с учетом психофизических, социально-психологических и социологических характеристик развития личности, а также по криминологическим критериям. Их совокупность позволяет утверждать, что по общему правилу человек, достигнув определенного в уголовном законе возраста, способен с этого момента понимать общественную опасность деяний, запрещенных УК”¹⁰⁷. Представляется, что в целом уровень социализации тринадцатилетних лиц не позволяет им осознать в полной мере характер и степень общественной опасности терроризма.

Во-вторых, с теоретических позиций интерес представляет ст. 20 Римского Статута Международного суда, в которой разрешается вопрос о нижнем возрастном пределе субъекта международного уголовного преступления и определено: “Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления”¹⁰⁸. Несмотря на то, что Международный уголовный суд не функционирует, поскольку его Статут не ратифицирован необходимым для этого количеством государств, подход к определению нижнего возрастного предела ответственности в международном праве заслуживает внимания. Как явствует из приведенного выше положения, с учетом специфики и опасности международных преступлений и преступлений международного характера, к которым в перспективе во многих государствах мира будет отнесен и

¹⁰⁶ См.: *Раджабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг жиний-ҳуқуқий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 16-б.

¹⁰⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 36.

¹⁰⁸ См.: *Целев В. Ф.* Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – М., 2001. – С. 116.

терроризм¹⁰⁹, предполагается установление нижней возрастной границы ответственности в восемнадцать лет, что автоматически обуславливает необходимость приведения национальных законодательств, в которых предусматривается более низкая планка возраста уголовной ответственности, в соответствие с нормами международного права. Полагаем, что такой подход в перспективе должен будет воспринять и Узбекистан, который признал приоритет международно-правовых норм над внутрисударственными, что находит свою реализация в системе права¹¹⁰.

Изложенные выше аргументы подвергают сомнению обоснованность предложений о понижении границы уголовной ответственности до тринадцатилетнего возраста.

Однако это не исключает в случаях участия в террористических актах несовершеннолетних их уголовной ответственности за совершенные ими деяния на основании общего правила, установленного в доктрине уголовного права, в соответствии с которым, “если лица в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет совершают составное сложное преступление, ответственность за которое наступает по общему правилу с шестнадцати лет, они могут быть привлечены к ответственности лишь за те действия, которые входят в это преступление в качестве составной части, и при условии, что закон, предусматривая их в самостоятельной статье Особенной части УК, устанавливает ответственность с тринадцати или четырнадцати лет”¹¹¹. Таким образом, если в террористическом акте принимал участие несовершеннолетний, не достигший шестнадцатилетнего возраста, в процессе которого было, например, совершено убийство, он подлежит ответственности по

¹⁰⁹ Позиция о необходимости отнесения терроризма к преступлениям против мира и безопасности человечества обоснована нами в первом разделе работы. Аналогичные предложения высказываются и представителями российской науки (См.: Долгова А. И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность. – М., 2002. – С. 8.).

¹¹⁰ См.: Комментарий к Конституции Республики Узбекистан. – Т., 1997. – С. 64; Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 7.

¹¹¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 36.

соответствующей части ст. 97 УК.

В последние годы достаточно активно дискутируется проблема установления уголовной ответственности за терроризм юридических лиц и государств.

Следует отметить, что в отечественной теории уголовного права предложение о возможности признания юридического лица субъектом преступления стало обсуждаться еще в период разработки действующего УК¹¹², которое, однако, большинством как ученых, так и практических работников не было поддержано. В последующем А. С. Якубовым была разработана теоретическая концепция уголовной ответственности юридических лиц, в которой на основе исторического анализа, сравнительно-правового метода обосновывается возможность дополнения уголовного законодательства системой норм, регламентирующих ответственность юридических лиц¹¹³.

Впервые предложение об установлении уголовной ответственности юридических лиц за терроризм в Узбекистане высказано М. А. Ражабовой, которая одновременно отрицает возможность уголовной ответственности государств за это преступление¹¹⁴. Основным аргументом в пользу подобного законодательного решения являются положения, сформулированные в ст. 29 Закона Республики Узбекистан “О борьбе с терроризмом” от 15 декабря 2000 г., относительно признания организации на основании решения суда террористической¹¹⁵.

¹¹² См.: Джалилов М. Д., Рустамбаев М. Х., Якубов А. С. Концепция законодательства Республики Узбекистан о преступлениях и наказаниях. – Т., 1994. – С. 12, 15; Якубов А. С., Жалилов М. Ж., Рустамбаев М. Х., Усмоналиев М. Ўзбекистон Республикаси жиноят ва жазо тўғрисидаги қонунининг моҳияти (концепцияси). – Т., 1994. – 17, 21-бетлар.

¹¹³ См.: Якубов А. С. Теоретические перспективы развития уголовно-правовой основы учения о преступлении. – Т., 1996. – С. 5–26. *Его же*. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 184–206.

¹¹⁴ См.: Ражабова М. Терроризм билан боғлиқ қонунчиликни такомиллаштириш зарур // Терроризмга қарши кураш: илмий-амалий ва назарий муаммолар. – Т., 2002. – 275-б; Ражабова М. А. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг жиноий-ҳуқуқий муоммалари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 16–17, 33–34-бетлар.

¹¹⁵ См.: Ведомости Олий Мажлиси Республики Узбекистан. 2001. № 1–2.

Не отвергая в принципе обоснованность в определенной своей части концепции ответственности юридических лиц и поддерживая в полном объеме сторонников недопустимости установления уголовной ответственности государств¹¹⁶, полагаем, что применительно к терроризму концепция ответственности юридических лиц вряд ли применима. На это, кстати, обращает внимание в своей работе А. С. Якубов, который, системно проанализировав нормы Особенной части УК и выделив из них соответствующие преступления, за которые, по его мнению, возможно установить ответственность юридических лиц, отверг возможность их ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Он пишет: “Трудно представить, что какое-либо конкретное юридическое лицо осуществляет акт агрессии либо геноцида. Как показывает мировая практика, подобные преступные проявления осуществляют либо официальные государственные властные структуры, и в этом случае их деятельность не будет подпадать под юрисдикцию нашего государства, либо незаконно сформированные структуры, не обладающие признаками юридического лица”¹¹⁷.

М. А. Ражабовой, как нам представляется, допущена неточность, состоящая в том, что она проводит знак равенства между “юридическим лицом” и “террористической организацией”, ибо, с учетом имеющихся сведений о функционирующих в мировом сообществе террористических организациях и группах¹¹⁸, они являются преступными и с позиции законодательного определения понятия юридического лица¹¹⁹ не обладают признаками последнего. Кроме того, вовсе необязательно, чтобы та или иная организация, которая еще не признана юридически террористической, хотя

– Ст. 15.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Емельянов В. П.* Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. 2000. № 1. – С. 73–76.

¹¹⁷ *Якубов А. С.* Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 206.

¹¹⁸ См.: *Жаринов К. В.* Терроризм и террористы: Ист. справочник / Под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск, 1999. – С. 98–345.

¹¹⁹ См.: Гражданский кодекс Республики Узбекистан. – Т., 1996. Глава 4.

фактически таковой является, была зарегистрирована в качестве юридического лица.

Несмотря на изложенные возражения против подхода М. А. Ражабовой, полагаем, что, все-таки не следует игнорировать и тот факт, что какие-либо организации, в том числе и международные, их отделения, филиалы, представительства могут быть зарегистрированы в качестве юридического лица и либо непосредственно организуют и осуществляют террористическую деятельность, либо осуществляют пособничество таким организациям в виде финансирования и другой деятельности, предусмотренной в диспозиции части 1 ст. 155 УК. В отношении таких организаций допустимо установление уголовной ответственности юридических лиц. Однако такое решение должно быть осуществлено не только посредством предусмотрения одной нормы в Общей части УК и внесения дополнений в ст. 457 УПК Республики Узбекистан, как это предлагает М. А. Ражабова, ибо этого недостаточно. Следует «иначе сформулировать целый ряд положений – от оснований уголовной ответственности до мер наказания и иных правовых последствий»¹²⁰.

¹²⁰ *Якубов А. С.* Теоретические проблемы формирования правовой основы учений о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т., 1996. – С. 196.

ТЕРРОРИЗМ И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблема разграничения преступлений всегда находилась в центре внимания в доктрине уголовного права, ибо это обуславливается потребностями практики. “По сути дела, весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных преступлений. Можно сказать, что разграничение преступлений есть обратная сторона квалификации”¹²¹.

Не составляет исключение и терроризм, который по своему структурному построению относится к сложному составу, что предопределяет схожесть его разновидностей со многими другими преступлениями, предусмотренными в УК.

Рассмотрим наиболее сложные проблемы, которые можно характеризовать как достаточно типичные в силу их относительно стабильного присутствия в известных мировому сообществу актах проявления терроризма.

1. Терроризм и экстремизм. Анализ современной литературы свидетельствует, что не только в средствах массовой информации, но и в специальных исследованиях все чаще наблюдается либо отождествление экстремизма с терроризмом, либо отнесение терроризма к одной из форм экстремизма¹²². Если такую “вольность”

¹²¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 126.

¹²² См.: Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. 1999. № 4. – С. 4–7; Экстремизм, терроризм, гурухий ва уюшган жиноятчиликка карши кураш муаммолари: Илмий-амалий анжуман материаллари. – Т., 1999; Максимова М. В. О сущности функционирования террористических и экстремистских организаций // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 93–103; Противодействие политическому экстремизму: теория и судебно-следственная практика // Российская юстиция. 2000. № 1. – С. 11–14; Габдуллин А. Т., Коневская О. Ю. Основные направления деятельности органов внутренних дел в борьбе с экстремизмом // Актуальные пробле-

можно простить журналистам, политологам и представителям других общественных наук, то использование подобного подхода юристами, в особенности представителями уголовно-правовой науки, недопустимо.

Терроризм и экстремизм – разные не только правовые, но и в первую очередь уголовно-правовые категории, характеризующие самостоятельные явления объективной действительности, требующие соответствующей правовой оценки.

В одной из своих работ¹²³, рассматривая общее понятие терроризма, мы обращали внимание на его правовые определения в международном праве, а также на тот факт, что в мире выделяется более ста его дефиниций. Что же касается определений экстремизма, то исходя из его политической сущности – изменение существующей государственности – его правовая дефиниция сформулирована на уровне международного права. Впервые она была предложена в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. В подпункте 3 ч. 1 ст. 1 данной Конвенции определяется: “Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопас-

мы правоохранительной деятельности в России. – М., 2000. – С. 120–129; Ички ишлар органларининг жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши кураш фаолиятини такомиллаштириш: Илмий-амалий конференция материаллари. – Т., 2001; *Самойлов Г. В.* Экстремизм: преступление террористической направленности // Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера. – М., 2001. – С. 60–66; *Устинов В.* Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. – С. 34–36; Терроризмга қарши кураш: Илмий-амалий ва назарий муаммолар. – Т., 2002; *Михайлов В.* Правовое обеспечение противодействия экстремизму // Российская юстиция. 2002. № 7. – С. 9–11; Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. проф. А. И. Долговой. – М., 2002; *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва террорчилик: Унинг илдизи қаерда? Мақсади нима? Унга қарши қандай курашиш керак? – Т., 2000; *Её же* Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг жинойий-ҳуқуқий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002; *Смирнов В. В., Сазонов Н. И.* Предупреждение преступлений террористического характера оперативно-розыскными мерами. – М., 2002; и др.

¹²³ См.: *Таджиханов Б.* Правовая характеристика терроризма. – Т., 2002.

ность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон”. Из предложенного определения явствует, что с правовой точки зрения к экстремизму следует относить только насильственные проявления, которые признаются таковыми в уголовном законодательстве государств-участников Конвенции, ибо “без законодательного разграничения понятий “терроризм” и “экстремизм”, в том числе в УК, сложно будет преодолеть существующее расширительное толкование отдельных насильственных актов политической направленности как проявлений терроризма”¹²⁴. Такое разграничение в законодательстве Узбекистана имеется, причем и на уровне УК.

Политико-правовое определение экстремизма содержится в ст. ст. 7 и 57 Конституции Республики Узбекистан. Эти конституционные положения явились непосредственной правовой основой для предусмотрения в УК ст. ст. 159 (посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан), 216 (незаконная организация общественных объединений или религиозных организаций), 216¹ (склонение к участию в деятельности незаконных общественных объединений и религиозных организаций), 242 (организация преступного сообщества). Сопоставление содержания названных уголовно-правовых норм с определением экстремизма, сформулированным в Шанхайской Конвенции 2001 г., позволяет утверждать, что действующее уголовное законодательство Узбекистана в полной мере предусматривает в качестве преступных все деяния, которые в международно-правовом документе характеризуют экстремизм. Но этот вывод обуславливает и другой: для отнесения терроризма к разновидности экстремизма нет никаких оснований, во всяком случае с позиции уголовного закона. Рассуждения же о том, что при экстремизме терроризм используется как средство в решении определенных целей и задач, либо, что еще более недопустимо, рассматривать экстремизм в качестве

¹²⁴ Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. – С. 34.

разновидности внутреннего терроризма, определяемого как “опозиционный терроризм”¹²⁵, есть ни что иное, как терминологическая манипуляция и подмена понятий, поскольку, с точки зрения закона, средством при экстремистских проявлениях выступает не терроризм, а насилие, которое конститутивно присуще и некоторым разновидностям состава терроризма. Этот вывод важен с позиции теории квалификации преступлений, поскольку если терроризм являлся бы разновидностью экстремизма, то при правовой оценке содеянного надлежало бы руководствоваться правилами квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, что обусловило бы исключение совокупности терроризма с экстремистскими преступлениями, ибо при конкурирующих нормах применению подлежит только одна из них. Коль скоро это не конкурирующие нормы, то следует констатировать, что это смежные преступления, поэтому при правовой оценке содеянного необходимо руководствоваться правилами их разграничения.

В теории квалификации преступлений наиболее признанной является схема разграничения смежных преступлений по элементам состава¹²⁶, которую целесообразно использовать и при отграничении терроризма от экстремизма, основа понимания которого заложена в упомянутом международно-правовом документе и нашедшая отражение в соответствующих нормах действующего уголовного законодательства Узбекистана.

В качестве разграничительного признака выступает объект преступления, о чем свидетельствует расположенность терроризма и преступлений, составляющих экстремизм, в разных главах Особенной части УК. Но следует отметить, что этот признак имеет в большей мере теоретическое значение, ибо в практическом преломлении значительно произведен от объективного проявления, а также от соответствия субъективных моментов (таких, как мотив и цель) фактически наступившим последствиям либо деяниям, которые субъект желал совершить.

¹²⁵ См.: Рахимов Д. Ф. Классификация, типология и виды терроризма // Хуқуқ–Право–Law. 2002. № 3. – С. 88–89.

¹²⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 129–130.

Между терроризмом и экстремизмом существуют различия по объективной стороне. Основное отличие в том, что если при терроризме насилие выступает в качестве средства достижения указанных в ст. 155 УК целей, то в экстремизме насильственный захват власти, насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства выступают собственно в качестве целей. Совершение таких деяний, как, например, публичные призывы, направленные на достижение указанных целей, распространение материалов соответствующего содержания, создание незаконных формирований, религиозных или общественных объединений в экстремистских целях, заговор с целью захвата власти или свержения конституционного строя, уже образует оконченное преступление – экстремизм, независимо от того, было ли или нет фактическое проявление насилия. Что же касается терроризма, то его образуют деяния в виде собственно насилия, использования силы или иных деяний, которые непосредственно создают опасность личности или собственности.

При этом, если насилие все-таки используется, равно как и в публичных призывах содержатся угрозы, то определить их специфику можно только по субъективной стороне, т. е. мотивам и целям, которые позволяют уяснить конкретное содержание и направленность осуществляемого либо осуществленного насилия и других деяний. Следовательно, существенным разграничительным моментом между терроризмом и экстремизмом выступает субъективная сторона, а точнее – ее признаки: мотив и цель. На содержании этих признаков мы уже останавливались, поэтому повторное сопоставление является излишним.

Несмотря на достаточно существенные различия между терроризмом и преступлениями экстремистской направленности их отождествление либо смешение происходит в силу того, что достаточно часто собственно террористические акты используются в экстремистских целях или, если употреблять уголовно-правовую терминологию, терроризм используют в качестве способа для достижения экстремистских целей, что и обуславливает

проблему правовой оценки содеянного. В этих случаях мы наблюдаем не только конкуренцию части и целого по объективной стороне, но и по мотивам, ибо, как отмечалось выше, терроризму свойственна достаточно определенная мотивация, отличная от мотивации экстремистской, обусловленной политической сущностью экстремизма. Эти мотивы не могут быть соединены в одном преступлении. Поэтому, даже если терроризм избирается в качестве способа достижения экстремистских целей, рассматривать такие насильственные действия в качестве терроризма вряд ли правильно, поскольку превалирующим выступает экстремистский мотив, и содеянное следует квалифицировать “по статье, предусматривающей тот мотив, в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения”¹²⁷. Вместе с тем В. Н. Кудрявцев правильно утверждает, что “заранее, до установления всех фактических обстоятельств дела, невозможно решить проблему конкуренции норм по мотивам преступлений, поскольку действующий закон ни одному из них не придает преобладающее значение”¹²⁸.

Изложенное обуславливает вывод о том, что в таких ситуациях следует руководствоваться правилами квалификации при конкуренции по объективной стороне. В теории квалификации преступлений сформулировано правило, согласно которому “в тех случаях, когда норма, предусматривающая способ совершения преступления находится в конкуренции с нормой, предусматривающей все преступление в целом, должна применяться последняя норма”¹²⁹. Вместе с тем, как отмечается в литературе, из этого общего правила допускается исключение “для тех случаев, если способ, средство или другой признак совершения преступления сами по себе составляют более общественно опасное деяние, чем то преступление, признаком которого они являются. Такие ситуа-

¹²⁷ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 230.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. – С. 229.

ции требуют квалификации по совокупности преступлений»¹³⁰.

Таким образом, можно сформулировать следующий вывод: если терроризм выступает в качестве способа совершения экстремистских преступлений, то в силу того, что он является более общественно опасным преступлением, что определяется сопоставлением санкций, все содеянное следует квалифицировать во всех случаях только по совокупности преступлений.

2. Терроризм и диверсия. В ст.161 УК диверсия определяется как действия, направленные на уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью, повреждение или уничтожение собственности с целью дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки либо подрыва экономики Республики Узбекистан.

Первое отличие анализируемых преступлений, которое, впрочем обнаруживает себя только после установления всех обстоятельств дела, проводится на уровне видовых объектов, ибо если терроризм посягает на общественные отношения, функционирование которых определяет состояние правопорядка, обеспечивающего мир и мирное сосуществование, безопасность людей и человечества, то диверсия, расположенная в другой главе Раздела второго Особенной части, посягает на отношения, обеспечивающие основы государственного суверенитета, безопасности, обороноспособности, экономики Республики Узбекистан¹³¹. Это обуславливает определение непосредственного объекта диверсии как общественных отношений, обеспечивающих экономическую безопасность Республики Узбекистан¹³². Поэтому вряд ли правильны позиции ученых, предлагающих распространительные толкования объекта диверсии, такие, например, как "...конституционный строй, общественно-политическая и экономическая основы Рес-

¹³⁰ Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 64.

¹³¹ См.: Там же. – С. 194.

¹³² См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 202; *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 183.

публики Узбекистан”¹³³ или деятельность государственных органов Республики Узбекистан, социально-политическая ситуация в стране и экономика¹³⁴. Ошибочность подобных толкований заключается в том, что они не учитывают именно системность норм уголовного законодательства, и если их принять за основу, то неминуемо следует прийти к выводу о наличии в нашем УК коллизионных норм, что с позиции законодательной техники недопустимо. Так, например, если воспринять позицию М. М. Кадырова, что объектом диверсии выступает “конституционный строй”, то становится очевидным наличие коллизионных норм, предусмотренных в ст. 161 и ч. 2 ст. 159 УК, не говоря уже о том, что грань между терроризмом и диверсией нивелируется. Аналогично обстоит дело и в других случаях определения объекта диверсии, кроме как экономической безопасности.

Провести разграничение по предмету посягательства и потерпевшим невозможно, ибо и при терроризме, и при диверсии в качестве таковых могут выступать различные материальные ценности и лица. Вместе с тем в литературе правильно подчеркивается, что “предметом диверсии оказываются наиболее важные, ключевые сооружения, от работы которых порой зависит жизнедеятельность целых экономических регионов (плотины, мосты, электростанции, водопроводы, склады продовольствия, оружия и боеприпасов и т. п.). Диверсанты, как правило, избирают для совершаемых диверсий такие объекты, ущерб от разрушения которых наиболее ощутим, а усилия по совершению диверсионных актов минимальны”¹³⁵.

Объективно диверсия выражается в различных действиях, которые практически не отличаются от действий, совершаемых при терроризме, составляющих физическое насилие, использование

¹³³ Кадыров М. М. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 147.

¹³⁴ См.: Ражабова М. А. Диний экстремизм ва терроризмга қарши қурашнинг жиноий-ҳуқуқий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – 36-б.

¹³⁵ Дьяков О. В., Игнатъев А. А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. – М., 1988. – С. 60.

силы либо иные деяния, создающие опасность личности или собственности. Исключение составляет лишь угроза совершения таких действий, которая свойственна только терроризму. Поэтому, если объективная сторона преступления будет выражаться в угрозе совершения взрывов, поджогов и иных действий (таких, например, как массовое отравление, распространение эпидемий, эпизоотий), при наличии субъективных признаков содеянное всегда должно расцениваться как терроризм, что исключает квалификацию по ст. 161 УК как диверсия.

Таким образом, единственным отличительным признаком по объективной стороне между терроризмом и диверсией является то, что диверсии не присуще психическое наличие в виде угрозы совершения в будущем физического насилия, использования силы либо иных деяний, которые создадут опасность личности или собственности.

Других отличий нет, хотя в литературе существует мнение, что для диверсии в отличие от терроризма необходимо наступление преступных последствий в виде гибели людей, причинения вреда их здоровью, поврежденного или уничтоженного имущества¹³⁶. Подобный вывод отнесения диверсии к составу с материальной конструкцией ошибочен, не вытекает из законодательного её определения. Общеизвестно, что диверсия сконструирована с формальным составом, и момент её окончания определяется совершенными деяниями, независимо от того, повлекли ли они за собой фактическое наступление преступных последствий, предусмотренных в законе¹³⁷. В связи со сказанным, вряд ли обоснованными являются и другие рекомендации относительно того, что «диверсия, считается оконченным преступлением, если виновный своими действиями вызвал хотя бы частичное наступление по-

¹³⁶ См.: *Ражабова М. А.* Диний экстремизм ва терроризмга карши курашнинг жиноий-хукукий муаммолари: Юрид. фан. докт. ... дисс. автореф. – Т., 2002. – Б. 36.

¹³⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 202; *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 184.

следствий, указанных в диспозиции этой статьи”¹³⁸, ибо непонятно как определять частичность наступления последствий. Последствия могут либо наступить, либо не наступить.

Основное отличие терроризма от диверсии заключается в субъективной стороне, а именно – в мотивах и целях. При терроризме побудительными факторами, т. е. мотивом, выступают намерения посредством применения насилия, использования силы либо иных деяний, создающих опасность личности или собственности, заставить какой-либо орган или лицо осуществить соответствующие потребностям террористов определенные преобразования либо, наоборот, не допустить их. При диверсии мотивация осуществляемых действий может быть всевозможной, и побудительным фактором могут выступать корысть, месть, другие потребности. В свою очередь, именно мотивация обуславливает различную направленность совершения общественно опасных действий. При диверсии действия непосредственно направлены на достижение последствий, предусмотренных в диспозиции ст. 161 УК. При терроризме совершаемые действия выступают в качестве средства принуждения какого-либо органа или лиц к выполнению требований террористов. Это различие в направленности осуществляемых действий обуславливает различие целей, которые исчерпывающе определены в диспозициях обеих статей, предусматривающих ответственность за терроризм и диверсию. Уяснение содержания целевой направленности того или иного акта возможно через объективные проявления. Так, например, если осуществлен взрыв какого-либо материального объекта, то при выяснении характера деяний и определении того, какой акт фактически был совершен (террористический или диверсионный), необходимо руководствоваться следующими показателями: а) отсутствие каких-либо требований со стороны лиц, совершивших акт, либо других, которые его организовали, к органам власти или лицам свидетельствует о совершении диверсии; б) в качестве объекта взрыва выбран объект жизнеобеспечения населения, что предопределяет

¹³⁸ Кадыров М. М. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 147.

направленность действий на подрыв экономической системы Республики Узбекистан и, следовательно, должно оцениваться как диверсия.

Наибольшая сложность при разграничении терроризма от диверсии возникает в случаях, когда в результате взрыва, поджога и иных действий создается опасность гибели людей, причинения вреда их здоровью, ибо эти признаки конститутивно присущи объективной стороне обоих преступлений. Единственным разграничительным признаком в таких случаях будет выступать объективированность во вне намерения субъекта. Если при использовании насилия субъект выдвигает требования к государственному органу, международной организации, их должностным лицам, физическому или юридическому лицу что-либо совершить или, наоборот, воздержаться от совершения какой-либо деятельности, то это свидетельствует о террористическом акте. Если таких требований нет, содеянное следует квалифицировать как диверсию.

Осуществленный выше анализ не исключает возможности идеальной совокупности терроризма и диверсии. Так, если по заданию какой-либо организации лицо выводит из строя стратегически важный для экономики объект и выдвигает перед органами власти какие-либо требования личного характера, например, освободить заключенного, выплатить денежные средства и т. п., с угрозой продолжения насилия в будущем, содеянное следует квалифицировать по ст. ст. 155 и 161 УК.

3. Терроризм, похищение человека и захват заложника.

Насилие, проявляющееся в захвате заложников и похищении людей при терроризме встречается достаточно часто. Но с позиции действующего уголовного законодательства и похищение человека, и захват заложника предусматриваются в качестве самостоятельных преступлений, что обуславливает проблему их отграничения не только от терроризма, но и друг от друга, так как законодатель предусмотрел при их правовой характеристике отсылочный прием, исключающий правовую оценку содеянного по конкретной норме, при наличии признаков другого преступления. Так, в ст. 137 УК определяется, что как похищение человека следует оценивать случаи, в которых отсутствуют признаки преступ-

ления, предусмотренного в ст. 245 УК. В свою очередь ст. 245 УК, устанавливающая ответственность за захват заложника, в описательно-отсылочной диспозиции ч. 1 определяет: захват или удержание лица в качестве заложника в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица совершить или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника при отсутствии признаков, предусмотренных ст. 155 УК, т. е. терроризма, или ст. 165 УК, т. е. вымогательства.

Если следовать логике законодателя, получается, что похищение человека выступает как бы возможным этапом захвата заложника, а последнее – способом при совершении терроризма. Исходя из этого, правовая оценка содеянного должна осуществляться посредством поэтапного установления наличия или отсутствия определенных признаков, совокупность которых по нарастающей будет являться свидетельством фактического наличия того или иного преступления.

В ст. 137 УК не содержится определения понятия “похищение человека”, что порождает различные его толкования в специальной литературе. Так, М. М. Кадыров определяет, что это деяние выражается в насильственном захвате и удержании человека вопреки его воле¹³⁹. В данном определении вряд ли обоснованно выделение в качестве конститутивного признака насильственного способа захвата, так как получается, что если физическое или психическое насилие отсутствует, то отсутствует и состав похищения человека.

Несколько иное определение сформулировано М. Х. Рустамбаевым. Он рекомендует понимать под похищением человека тайное, открытое или совершенное путем обмана или злоупотреблением доверием лишение его личной свободы¹⁴⁰. В этом опреде-

¹³⁹ См.: Кадыров М. М. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 1997. – С. 106.

¹⁴⁰ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 171; Рустамбаев М. Х. Преступления против личности. – Т., 1998. – С. 154; *Его же*. Уголовное право Республики Узбекистан.

лении допускается другая крайность, состоящая в том, что насильственным способом похищения человека не находится места, хотя далее, вне рамок собственно понятия преступления, автор признает: “При похищении человека к нему может быть применено физическое или психическое насилие”. Другая неточность, допускаемая в приведенном определении, состоит в том, что основная характеристика преступления выражается через словосочетание “лишение его личной свободы”. Возникает вопрос: а в чем тогда отличие похищения человека от насильственного незаконного лишения свободы, при наличии утверждений М. Х. Рустамбаева о том, что способы похищения человека для квалификации преступления значения не имеют, а также при фактически идентичном определении понятия преступления, предусмотренного ст. 138 УК¹⁴¹?

Представляется, что похищение человека характеризуется захватом потерпевшего, его перемещением в другое место и принудительным дальнейшим удержанием¹⁴². При таком определении понятия преступления, предусмотренного ст. 137 УК, появляется реальная возможность проведения отграничения от других преступлений.

В связи с тем, что похищение человека и насильственное незаконное лишение свободы имеют своим объектом посягательства на личную свободу потерпевшего и оба выражаются в насильственном его удержании, возникает необходимость определения соотношения этих преступлений. Полагаем, мы имеем дело с конкурирующими по объему уголовно-правовыми нормами, что подвергает сомнению правильность рекомендации М. Х. Рустамбаева квалифицировать похищение человека, сопряженного с насильственным незаконным его лишением свободы, по совокупности

Особенная часть. – Т., 2002. – С. 135.

¹⁴¹ См.: *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 136.

¹⁴² См.: *Иванова В. В.* Незаконное лишение свободы, похищение человека, захват заложника с применением группового насилия // Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера. – М., 2002. – С. 56.

этих преступлений¹⁴³. Насильственное незаконное лишение свободы всегда “сопровождает” похищение человека, а точнее – является лишь частью действий, его составляющих, что и предопределяет руководствоваться правилом, общепризнанным в теории квалификации, относящимся к конкуренции части и целого. Суть правила состоит в том, что, когда деяние предусмотрено двумя или несколькими нормами, одна из которых охватывает содеянное в целом, а другие – его отдельные части, преступление квалифицируется по норме, охватывающей с наибольшей полнотой все его фактические признаки¹⁴⁴, а похищение человека как раз и охватывает деяние, характерное для незаконного лишения свободы, что обуславливает квалифицировать содеянное только по ст. 137 УК. При таком решении не нарушается и другое правило, в соответствии с которым более полная норма не должна быть менее строгой по сравнению с менее полной нормой, что вытекает из сопоставительного анализа санкций анализируемых статей.

Предложенное понимание позволяет провести грань между похищением человека и захватом заложников, а также определиться с алгоритмом правовой оценки при возникающих затруднениях.

Во-первых, различие имеет место по объекту посягательства, поскольку основной непосредственный объект похищения человека – личная свобода потерпевшего – выступает в качестве дополнительного непосредственного объекта при захвате заложников, при котором основному воздействию подвергаются отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Отличия наблюдаются и на уровне жертв этих преступлений. Заметим, что этот признак, имеющий в большей мере криминологический оттенок, весьма значим не только при отграничении похищения человека от захвата заложника, но и последнего преступления от терроризма. В литературе применительно к захвату заложников как самостоятельному преступлению и к случаям, ко-

¹⁴³ См.: *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 136.

¹⁴⁴ См.: *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М., 2001. – С. 297–298; *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М., 2001. – С. 228–229; и др.

гда захват заложников выступает в качестве составляющего терроризм, выделяют три разновидности жертв: а) непосредственная жертва (лицо, взятое в заложники); б) косвенная жертва (лица и органы, которым предъявляются требования); в) сопричастная (прикосновенная) жертва (как правило государственное или иное учреждение, которому приходится в зависимости от конкретных обстоятельств брать на себя ответственность и определять тактику и стратегию действий для определения дальнейшей судьбы заложника)¹⁴⁵. При похищении человека всегда имеется только непосредственная жертва, т. е. похищенное лицо.

Во-вторых, существенным отграничительным признаком рассматриваемых преступлений является характер действий, предпринимаемых после захвата потерпевшего. При похищении человека, независимо от способа его захвата, последующее перемещение и удержание характеризуются тайностью. При захвате заложников, равно как и при похищении людей с террористической мотивацией и целями, элемент тайности отсутствует.

Предыдущий признак обусловлен следующим, третьим, разграничительным признаком, а именно, отсутствием при похищении человека каких-либо требований выполнить или воздержаться от выполнения определенных действий, адресованных лицам или органам, что свойственно и конститутивно присуще захвату заложников либо терроризму.

В-четвертых, различие проводится по мотивации и целевым установкам, которые для похищения человека могут быть различными, где превалирует корыстная мотивация, мотивация отщепенца, хулиганские или другие низменные побуждения, что достаточно несвойственно захвату заложников, при котором, впрочем, корыстная мотивация не исключается. Вместе с тем специфика корыстной мотивации при похищении человека и захвате залож-

¹⁴⁵ См.: *Бояркин Н. Г., Артюх А. Г.* Характерные особенности захвата заложников и их освобождение // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности в России. – М., 2000. – С. 153; *Колов А. М.* Похищение людей – проблема регулирования и совершенствования деятельности органов внутренних дел // Похищение, захват, исчезновение – преступления террористического характера. – М., 2002. – С. 98.

ника проявляются на уровне адресата предъявляемыми требованиями и характером предъявления. При похищении человека требования, как правило, предъявляются близким родственникам похищенного, его друзьям и коллегам по работе, и делается это скрытно. При захвате заложника требования предъявляются открыто, нередко с использованием средств массовой информации и адресованы компетентным и авторитетным лицам и органам.

В-пятых, принудительное удержание лица при захвате заложника выступает не целью, как это имеет место при похищении человека и при насильственном незаконном лишении свободы, а средством удовлетворения побуждений (мотивом) и достижения цели преступника¹⁴⁶.

Отмеченные разграничительные признаки определяют правовую оценку содеянного только как похищение человека либо его перерастание в захват заложника. В случаях, когда при похищении человека отмечаются признаки, свойственные захвату заложника, содеянное надлежит квалифицировать по правилам конкуренции части и целого, т. е. по норме, которая с наибольшей полнотой охватывает содеянное, а именно – по ст. 245 УК.

Проведенный анализ позволяет перейти к разграничению захвата заложников от терроризма. Во-первых, различие проявляется в объекте посягательства, ибо захват заложников посягает на отношения, функционирующие в сфере обеспечения общественной безопасности, а объект терроризма гораздо полнее и ущерб причиняется отношениям, призванным обеспечить состояние защищенности мира и безопасности, т. е. мировой правопорядок.

Второй отличительной особенностью является то, что разновидности жертв, которые присущи терроризму, такие как косвенная и сопричастная (прикосновенная) жертва, при захвате заложника совпадают и выступают в одном лице (физическом или юридическом), ибо условия освобождения заложника адресуются непосредственно тем лицам, от кого зависит принятие решения о

¹⁴⁶ См.: Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. – М., 1999. – С. 59.

совершении либо воздержании от совершения какого-либо деяния.

В-третьих, захват или удержание лица в качестве заложника и при терроризме, и при собственно захвате заложника выступает в качестве средства удовлетворения требований преступника. Вместе с тем, если при захвате заложника как самостоятельного преступления это средство выступает условием освобождения заложника, то при захвате заложника как разновидности терроризма это средство выступает, как правило, в качестве условия его неуничтожения. Иными словами, при захвате заложника выполнение выдвигаемых субъектами требований является условием освобождения заложника, например, предоставление выкупа. В то же время, если захват заложника является частью действий террористического акта, публично озвучиваемые субъектами требования обуславливаются условиями безопасности жизни заложников только при их осуществлении.

В-четвертых, при захвате заложника как самостоятельного преступления мотивация и целевая установка совпадают по содержанию. Что же касается терроризма, то его мотивация не совпадает с целевой направленностью по содержанию, о чем было отмечено выше.

В заключение отметим, что согласно воле законодателя захват заложников требует самостоятельной правовой оценки по ст. 245 УК только в том случае, если отсутствуют признаки состава терроризма. Во всех остальных случаях захват заложников выступает лишь как часть действий при террористическом акте и в силу правил квалификации уголовно-правовых норм при конкуренции части и целого подлежит правовой оценке только по соответствующей части ст. 155 УК.

4. Терроризм и другие смежные преступления. В силу того, что терроризм сконструирован как сложный состав, он имеет сходство с рядом других преступлений, содержащихся в действующем уголовном законодательстве, и это отмечается в литературе¹⁴⁷.

¹⁴⁷ См.: *Киреев М. П.* Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами

Определенное сходство по объективным признакам и наступающим последствиям терроризм имеет с рядом преступлений против жизни и здоровья, общественной безопасности, безопасности движения и эксплуатации транспорта, сохранности и эксплуатации военного имущества. В их числе причинение смерти и вреда здоровью по неосторожности (ст. ст. 102, 111 УК), нарушение правил обращения со взрывоопасными веществами или пиротехническими изделиями (ст. 250 УК), нарушение правил обращения с радиоактивными материалами (ст. 253 УК), незаконное обращение с радиоактивными материалами (ст. 254 УК), нарушение правил эксплуатации ядерных установок (ст. 255 УК), разработка, производство, накопление, приобретение, передача, хранение, незаконное завладение и иные действия с бактериологическим, химическим и другими видами оружия массового уничтожения (ст. 255¹ УК), нарушение правил безопасности при осуществлении исследовательской деятельности (ст. 256 УК), нарушение правил охраны труда (ст. 257 УК), нарушение санитарного законодательства или правил борьбы с эпидемиями (ст. 257¹ УК), нарушение правил безопасности горных, строительных или взрывоопасных работ (ст. 258 УК), нарушение правил пожарной безопасности (ст. 259 УК); нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 266 УК); нарушение правил обращения с оружием, а также веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 297 УК); нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 298 УК); нарушение правил кораблевождения (ст. 300 УК). Перечисленные преступления по субъективному отношению виновного к преступным последствиям относятся к преступлениям, совершаемым по неосторожности. Что же касается террористических актов, в том числе влекущих за собой гибель людей и другие тяжкие последствия, то в целом они характеризуются с субъективной стороны как умышленные преступления, что и должно служить

терроризма // Терроризм: современные аспекты. – М., 1999. – С. 8–9; Соломандин Г. Г., Сехов Н. В. Проблемы анализа угроз технологического терроризма // Организационно-технические, математические и правовые аспекты информатизации деятельности органов внутренних дел. – М., 2001. – С. 60–61; и др.

основанием для разграничения терроризма от перечисленных преступлений.

Ряд умышленных преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством, также имеет сходство с терроризмом по своему объективному проявлению. К таким преступлениям, наряду с теми, которые были рассмотрены выше, следует отнести также умышленное убийство способом, опасным для жизни других лиц (п. “д” ч. 2 ст. 97 УК), умышленное уничтожение или повреждение имущества общеопасным способом (п. “б” ч. 2 ст. 173 УК), уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 296 УК). Основное отличие здесь следует проводить по мотивам и целям. Совершение названных выше преступлений не обусловлено потребностью понудить государственный орган, международную организацию, их должностных лиц, физическое или юридическое лицо совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности. Мотивация в этих преступлениях иная, что вытекает из конструкции закона, который не придает обязательного значения мотиву в составе этих преступлений, причем как и цели их совершения. В отношении же терроризма желаемый мысленный результат – цель – определен законодателем с исчерпывающей полнотой и конституитивно ему присущ. Таким образом, основное разграничение проводится по фактическому установлению наличия или отсутствия специальных террористических мотивов и целей.

Определенные сложности правовой оценки могут возникнуть в случаях убийства, покушения на убийство, причинения телесного повреждения и покушения на причинение телесного повреждения государственного, общественного деятеля, представителя власти, ибо уголовный закон наряду с террористическим актом в отношении названных лиц содержит и другие уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на лицо в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга. К таким преступлениям относятся: умышленное убийство лица в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга (п. “г” ч. 2 ст. 97 УК); умышленное тяжкое телесное повреждение, причиненное лицу в связи с выполнением им своего

служебного или гражданского долга (п. “б” ч. 2 ст. 104 УК); умышленное средней тяжести телесное повреждение, причиненное лицу в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга (п. “в” ч. 2 ст. 105 УК); причинение телесных повреждений начальнику в связи с исполнением им обязанностей по военной службе или во время исполнения этих обязанностей (ст. 283 УК).

В современной отечественной литературе не так много теоретических рекомендаций, направленных на отграничение этих преступлений. В них содержатся в основном общие рекомендации относительно необходимости правовой оценки содеянного только как терроризм¹⁴⁸ либо определяется, что “убийство, квалифицируемое по пункту “г” ч. 2 ст. 97 УК, совершается без предъявления каких-либо требований к потерпевшим, а при терроризме действия виновного квалифицируются по ч. 3 пункта “а” ст. 155 УК, когда смерть причиняется, если потерпевший не выполнит условий, предъявляемых ему со стороны террориста”¹⁴⁹.

В последней рекомендации мы усматриваем неточность ряда положений. Во-первых, мировая практика известных террористических актов в отношении государственных и общественных деятелей свидетельствует, что, как правило, собственно потерпевшим никаких условий не предъявляется. В подавляющем большинстве террористических актов происходит покушение или физическое устранение неугодных террористам политических фигур без предварительного выдвижения им каких-либо требований.

Во-вторых, закон не оговаривает условий временных рамок выдвижения каких-либо требований, что обуславливает возможность их оглашения как до совершения террористического акта, так и во время и после его совершения.

В-третьих, выдвижение требований не является обязательным признаком террористического акта в виде покушения на жизнь

¹⁴⁸ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан: научно-практический комментарий. – Т., 1996. – С. 135.

¹⁴⁹ *Рустамбаев М. Х.* Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть. – Т., 2002. – С. 32–33; *Его же.* Преступления против личности. – Т., 1998. – С. 31.

или здоровье государственного или общественного деятеля, представителя власти, а выступает альтернативно одним из желаемых результатов. Следовательно, не каждый террористический акт рассматриваемой разновидности должен сопровождаться выдвиганием требований со стороны террористов с целью воздействовать таким образом на принятие решения государственным органом.

С учетом сказанного полагаем, что приведенные выше рекомендации являются несколько упрощенными и недостаточно универсальными, что обуславливает их приемлемость к ограниченному кругу случаев.

При разграничении этих преступлений следует руководствоваться двумя критериями, относящимися к субъективным признакам составов преступлений и категории потерпевшего.

В ч. 2 ст. 155 УК перечень потерпевших определен с исчерпывающей полнотой. К ним отнесены государственные деятели, общественные деятели и представители власти. Существенным является тот факт, что при посягательстве на их жизнь и здоровье при террористическом акте мотивационную основу имеют их государственная или общественная деятельность, а преследуемая при этом цель альтернативно может характеризоваться одним из следующих желаемых субъектом результатов: а) дестабилизировать обстановку; б) воздействовать на принятие решения государственными органами; в) воспрепятствовать политической или иной общественной деятельности. Исходя из этого в качестве разграничительных признаков следует взять категорию потерпевшего и мотивационно-целевую характеристику деятельности.

При анализе объективной характеристики состава терроризма нами была рассмотрена проблема определения категорий потерпевшего при терроризме и отмечалась ее относительная законодательная неясность. Поэтому при разграничении следует использовать метод статусного определения потерпевшего и его относимости как деятеля к категории государственного или общественного либо представителя власти. Неустановление такого статуса исключает правовую оценку содеянного как террористического акта.

Вместе с тем сам факт установления относимости юридического статуса потерпевшего к соответствующей категории безотносительно к мотивационно-целевой установке субъекта может повлечь ошибочность квалификации. Поэтому два этих признака должны оцениваться в неразрывном единстве, и требуется установить, что покушение на убийство или причинение телесного повреждения потерпевшему мотивационно обуславливалось их государственной или общественной деятельностью и преследовало альтернативно либо одновременно цели, обозначенные в диспозиции ч. 2 ст. 155 УК.

5. Терроризм и уголовно-правовое поощрение. В соответствии с Законом Республики Узбекистан “О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности в связи с либерализацией уголовных наказаний”¹⁵⁰ от 29 августа 2001 г. ст. 155 УК дополнена частью четвертой, содержащей поощрительную норму. Закон определяет, что лицо, участвовавшее в подготовке терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом активно способствовало предотвращению наступления тяжких последствий и реализации целей террористов, если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Введение новой специальной поощрительной нормы требует не только выяснения ее смыслового содержания, но и соответствующего истолкования и сопоставления с общими поощрительными нормами о добровольном отказе, содержащимися в Общей части УК (ст. 26, ч. 5 ст. 30 УК)¹⁵¹.

По своей юридической природе нормы, содержащиеся в ч. 4 ст. 155 УК, относимы к разновидностям, стимулирующим освобождение от уголовной ответственности. В качестве первого основания возможного применения данной нормы законодатель

¹⁵⁰ См.: Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 9–10. – Ст. 165.

¹⁵¹ Подробнее о поощрительных нормах см.: *Якубов А. С.* Теоретические перспективы развития уголовно-правовой основы учения о преступлении. – Т., 1996. – С. 68–79;

определил, что позитивная деятельность имеет место на стадии неоконченного преступления, причем только на подготовительном к терроризму этапе. Следовательно, временным ограничителем возможности рассмотрения вопроса о применении поощрения является время непосредственного начала осуществления действий, составляющих объективную сторону той или иной разновидности терроризма. Второе основание возможности освобождения лица, участвовавшего в подготовке терроризма, от уголовной ответственности сформулировано законодателем альтернативно и может характеризоваться: а) своевременным предупреждением органов власти; б) иным активным способствованием любым способом предотвращению акта терроризма.

Альтернативность, составляющая второе основание, как нам представляется, обусловлена факторами пассивного и активного способов предотвращения актов терроризма. Первое из альтернативных оснований, с учетом того, что оно ограничивается лишь фактом своевременного информирования органов власти, следует характеризовать как пассивное раскаяние, ибо только этим и ограничивается, а основные усилия по предотвращению акта терроризма и реализации целей терроризма предпринимаются уже органами власти. При этом следует иметь в виду и временной момент: предупреждение органов власти следует считать своевременным, если оно сделано до начала применения насилия, использования силы либо иных деяний, создающих опасность личности или собственности, что обуславливает реальность для органов власти предпринять соответствующие организационные, оперативные, специальные и другие мероприятия по предотвращению акта терроризма.

Второе из альтернативных оснований следует обозначить как активное раскаяние. Оно заключается в том, что лицо, участвовавшее в подготовке терроризма, по любой мотивации предпринимает самостоятельные действия, направленные на предотвращение осуществления акта терроризма, наступления тяжких последствий и реализации целей террористов. Таким образом, эта разновидность характеризуется инициативным, активным и ответственным поведением, осуществленным до начала совершения террористами действий, составляющих объективную сторону терроризма.

В качестве условий для освобождения лица, участвовавшего в подготовке терроризма, закон определяет: а) акт терроризма предотвращен, не наступили тяжкие последствия и цели террористов не реализованы; б) в действиях раскаявшегося лица не содержится признаков иного состава преступления.

Отсюда, для применения поощрительной нормы, предусмотренной в ч. 4 ст. 155 УК, необходима совокупность оснований и условий, позволяющих освободить лицо, принимавшее участие в подготовке терроризма, от уголовной ответственности.

В российской литературе, посвященной анализу соответствующей поощрительной нормы, поднимается еще одна проблема, которая, как нам представляется, заслуживает внимания, поскольку редакционное изложение поощрительной нормы ст. 155 УК Республики Узбекистан тождественно текстовому оформлению примечания к ст. 205 УК Российской Федерации. Суть проблемы заключается в том, что одни ученые данное примечание рассматривают как разновидность добровольного отказа¹⁵², другие – ограничивают действие этого примечания только случаями вынужденного отказа¹⁵³, а третьи – допускают возможность освобождения от уголовной ответственности на основании этой нормы применительно как к случаям добровольного, так и вынужденного отказа¹⁵⁴.

Полагаем, что определение юридической природы анализируемой поощрительной нормы как разновидности добровольного отказа ошибочно, ибо добровольный отказ исключает уголовную ответственность и представляет собой самостоятельную разновидность поощрительных норм. В ч. 4 ст. 155 УК предусмотрена норма, освобождающая от уголовной ответственности, что позволяет сделать вывод об отнесении этой разновидности к деятельному раскаянию.

Редакционное изложение анализируемой поощрительной нормы не дает нам оснований согласиться с выводом М. П. Киреева о

¹⁵² См.: *Иванов В. Д.* Уголовное право. Особенная часть. – М., 2002. – С. 212.

¹⁵³ См.: *Киреев М. П.* Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // *Терроризм: современные аспекты.* – М., 1999. – С. 20.

¹⁵⁴ См.: *Фефилова В. Ф.* Стратегия совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом // *В поисках стратегии управления кризисными ситуациями.* – М., 2000. – С. 82–83.

том, что “примечание имеет в виду только случаи, когда содействие предотвращению акта терроризма осуществляется преступником не добровольно, а вынужденно (например, будучи изобличенным и привлеченным к ответственности), или когда лицо предотвратило готовящийся акт терроризма в расчете провести его позднее, в более удобное время”¹⁵⁵.

В связи с тем, что признак добровольности не предусматривается непосредственно в тексте поощрительной нормы, представляется, что при наличии обозначенных в законе оснований и условий лицо освобождается от уголовной ответственности независимо от того, добровольно или вынужденно оно предприняло действия, направленные на предотвращение совершения собственно террористического акта, наступления тяжких последствий и реализации целей террористов.

¹⁵⁵ *Киреев М. П.* Проблемы борьбы органов внутренних дел с актами терроризма // *Терроризм: современные аспекты.* – М., 1999. – С. 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В в е д е н и е.....	3
Объективная характеристика состава терроризма	4
Субъективная характеристика состава терроризма	52
Терроризм и его отграничение от смежных преступлений.....	70

Бахром Убайдуллаевич Таджиханов

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ
БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Учебное пособие

Редактор **Р. Р. Тумпаров**
Технический редактор **М. М. Сафаров**
Компьютерный набор и верстка **Л. Ш. Мухамедовой**

Подписано в печать 9.04.2003 г. Объем 5,2 уч.-изд. л.
Тираж 500. Заказ № 36. Цена договорная.

700197, Ташкент, ул. Интизор, 68.
Академия МВД Республики Узбекистан